

Галактическая история

Айзек АЗИМОВ

Основание [Академия]

1951

Азимов А.

Основание [Академия] / А. Азимов — 1951 — (Галактическая история)

Действие первой части трилогии «Основание» разворачивается в далеком будущем, когда заселены планеты миллионов звездных систем Галактики. Математик и психоисторик Хари Селдон предсказывает крах и возрождение через много лет несокрушимой Галактической Империи. Чтобы смягчить последствия катастрофы он разрабатывает проект создания Основания, которое должно стать центром зарождения новой Империи...

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	26
Глава 8	28
Часть вторая	30
Глава 1	30
Глава 2	33
Глава 3	38
Глава 4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Айзек Азимов

Основание

Часть первая

Психоисторики

Глава 1

Хари Селдон (11988-12069 Галактической эры). Обычно даты приводятся в действующем летоисчислении Эры Основателей: 79-1. Родился в семье среднего достатка на планете Геликон в секторе Арктура (согласно легендам – правда, весьма сомнительным – его отец занимался выращиванием табака на гидропонных фермах). Еще в детстве у Хари обнаружили выдающиеся математические способности.

Существует огромное множество рассказов о необычайной одаренности Селдона, однако большая их часть весьма противоречива. Рассказывают, что в возрасте двух лет он...

...Несомненно, наибольший вклад Селдон внес в развитие психоистории. Он рассматривал эту область науки, как нечто большее, чем набор весьма туманных аксиом – благодаря его исследованиям психоистория приобрела характер точной статистической науки...

...Наиболее точное описание подробностей жизни Селдона содержится в биографии, составленной Гаалем Дорником, которого в юности судьба свела с Хари Селдоном за два года до смерти этого великого ученого. История их знакомства...

Галактическая энциклопедия.¹

Звали его Гааль Дорник, был он родом из провинции и никогда ранее не видел Трантор собственными глазами. Конечно, по гипервидео, в помпезных трехмерных передачах новостей, посвященных коронации императора или открытию Галактического Совета, он неоднократно видел столицу на экране.

Хотя Гааль и проживал на планете Синнакс, обращавшейся вокруг одной из звезд на самом краю Голубого Дрейфа, он отнюдь не был оторван от цивилизации. В те времена все обитаемые планеты Галактики были связаны единой информационной сетью: двадцать пять миллионов планет – и каждая из них являлась составной частью Империи, со столицей на Транторе. Именно так обстояли дела во вторую половину того памятного века.

...Это путешествие, несомненно, было пока что наиболее ярким событием в совсем недолгой жизни молодого ученого Гааля Дорника. Впрочем, в космосе он бывал и раньше, так что сам полет оставил его равнодушным. Честно говоря, до этого он летал только на единственный спутник Синнакса – собирал материалы о закономерностях дрейфа метеоритов для своей диссертации, – однако перелет на полмиллиона миль мало чем отличается от путешествия длиной в полмиллиона световых лет.

¹ Все цитаты из Галактической Энциклопедии приводятся по изданию 116-му 1020 г. Эры Основателей (ЭО), выпущенному издательством: Энциклопедия Галактика Паблишинг Кампани, Терминус. С разрешения издательства.

Правда, Гааль немного напрягся перед скачком через гиперпространство, который не применялся при коротких межпланетных перелетах. Скачок был и, наверное, навсегда останется единственным практически возможным способом межзвездных путешествий. Как известно, в обычном пространстве скорость движения любого объекта не может превышать скорости света (это одна из основополагающих истин, открытых еще в далеком прошлом, на самой заре человеческой истории) – и это означает долгие годы, необходимые, чтобы долететь даже до ближайшей обитаемой звездной системы. Но скачок через гиперпространство, этот непостижимый для человека континуум, не являющийся ни пространством, ни временем, ни материей, ни энергией – этот скачок давал возможность пересечь Галактику за исчезающе малый отрезок времени между двумя соседними мгновениями.

Первого в своей жизни скачка через гиперпространство Гааль ожидал с некоторым страхом, который свернулся калачиком где-то в низу живота; но все произошло практически мгновенно – легкая вибрация, небольшой внутренний толчок – Гааль даже не сразу понял, что ощутил его, – и все.

После этого остался огромный сверкающий звездолет – совершенный продукт двенадцати тысячелетий развития Империи – и он сам, недавно получивший докторскую степень и приглашенный знаменитым Хари Селдоном на Трантор для участия в каком-то загадочном эпохальном проекте.

Дорник разочаровался в гиперскачке и стал ждать появления Трантора, постоянно околавываясь в обзорном отсеке. В назначенное время, когда стальные шторы на иллюминаторах раскрылись, он был уже на месте и смотрел на величественное сияние звезд, упиваясь захватывающим зрелищем мерцающего шарового скопления, напоминавшего гигантский рой светящихся мошек, застывший в космосе. Одно время Гааль мог видеть морозную бледно-голубую дымку газовой туманности на расстоянии пяти световых лет от корабля, молоком разлившуюся за иллюминаторами и наполнявшую обзорный отсек ледяным сиянием. Через два часа, после очередного скачка, это зрелище исчезло.

Впервые Гааль Дорник увидел солнце Трантора в виде размытого бледного пятнышка, затерянного среди мириад ему подобных, и выяснил, что это именно оно, только благодаря корабельному гиду. Здесь, поблизости от ядра Галактики, вокруг было неисчислимое множество звезд. Но после каждого скачка указанное пятнышко становилось все ярче, затмевая своим сиянием другие звезды, которые блекли на его фоне.

– Обзорный отсек задраивается до конца полета. Всем приготовиться к посадке, – возвестил внезапно появившийся в дверях офицер.

Гааль поспешил за ним и уцепился за рукав белой униформы с эмблемой Империи – Звездолетом и Солнцем.

– Не позволите ли вы мне остаться? Мне бы очень хотелось увидеть Трантор!

Офицер улыбнулся, и Гааль слегка покраснел. До него дошло, что он говорит с провинциальным акцентом.

– Утром мы совершим посадку на Транторе.

– Но я бы хотел полюбоваться им из космоса.

– К сожалению, молодой человек, это невозможно. Это не космическая яхта. Мы заходим на посадку со стороны звезды. Вы ведь не хотите одновременно ослепнуть, обгореть и получить дозу радиации?

Гааль отпустил рукав мундира и направился прочь по коридору. Офицер крикнул ему вслед:

– Эй, парень, Трантор все равно показался бы тебе только серым пятном. Но по приезде я рекомендую вам купить билет на космическую экскурсию – это совсем недорого.

Гааль обернулся.

– Благодарю вас.

Он испытывал глупое мальчишеское разочарование – но подобным слабостям подвержены не только мальчишки, но и вполне взрослые мужчины. В горле у Гааля Дорника стоял комок. Он еще никогда не видел Трантор своими глазами – Трантор, великий и огромный – как... как жизнь! А теперь ожидание затягивалось...

Глава 2

Корабль опустился под какофонию звуков – сквозь обшивку пробивалось шипение атмосферы, протыкаемой кораблем и трущейся о его металлический корпус, монотонно гудели кондиционеры, компенсирующие нагрев от трения, ревели тормозные двигатели.

Затем послышались голоса людей, готовившихся к высадке, скрип подъемников, выгружающих багаж, почту и грузы в длинный центральный коридор корабля, откуда потом все это подадут на специальные грузовые платформы.

Гааль почувствовал легкую дрожь, которая свидетельствовала о том, что звездолет прекратил движение. В течение последних нескольких часов корабельная гравитация постепенно увеличивалась и сейчас сравнялась с силой тяжести на планете. Тысячи пассажиров терпеливо ждали в шлюзовых отсеках, слегка покачивавшихся на силовых подушках, которые обеспечивали их ориентацию по линиям все время менявшегося гравитационного поля. Теперь они, наконец, были зафиксированы на изогнутых наклонных пандусах, и в конце их открылись огромные зияющие люки.

Гааль путешествовал налегке. Пока таможенники быстро и умело распаковывали и снова запаковывали его багаж, проверяли визу и ставили печати, он стоял у стойки, не обращая ни малейшего внимания на все эти процедуры.

Это был Трантор! Воздух здесь казался чуть более густым, а сила тяжести – чуть выше, чем на его родной планете, но к этому можно было привыкнуть. Но можно ли было привыкнуть к этой необъятности?! Здание космопорта было огромно. Крыша его почти не просматривалась в вышине – легко можно было представить себе, что где-то под ней клубятся облака.

Противоположной стены не было видно – только люди и стойки, люди и стойки, постепенно исчезающие вдаль...

Человек у стойки в очередной раз с раздражением произнес:

– Проходите же... Дорник, – ему пришлось заглянуть в визу, чтобы вспомнить имя.

– К-куда? – переспросил Гааль.

– К такси: направо и третий поворот налево.

Дорник отошел, оглядываясь на повисшие в воздухе дымные завитушки, которые образовывали надпись: «ТАКСИ ВО ВСЕ НАПРАВЛЕНИЯ». Когда он отвернулся, от безликой толпы отделился человек и подошел к стойке.

Чиновник взглянул на него и коротко кивнул. Человек кивнул в ответ и двинулся вслед за приезжим. Он знал, куда направляется Гааль.

Толпа прижала Дорника к перилам, но он все же успел разглядеть небольшую надпись: «РАСПОРЯДИТЕЛЬ». Человек, на которого она указывала, даже не взглянул на Гааля.

– Вам куда?

Поскольку молодой человек и сам толком не знал ответа на этот вопрос, он замешкался, и очередь за ним стала быстро расти. Распорядитель, наконец, взглянул на него:

– Куда вы направляетесь?

Денег у Гааля было маловато, но сейчас речь шла только об одной ночи – а потом у него будет работа; поэтому он постарался произнести как можно небрежнее:

– В хороший отель, пожалуйста.

Однако на распорядителя это заявление не произвело никакого впечатления.

– Они все хорошие. В какой именно?

– Тогда в ближайший, – отчаянно произнес Гааль.

Распорядитель нажал кнопку, и на полу тут же появилась тонкая светящаяся полоска, извивающаяся среди других подобных ей разноцветных линий. В руку Гааля сунули слегка светившийся билет.

– Один – двенадцать, – изрек распорядитель.

Дорник стал рыться в карманах в поисках мелочи.

– Куда мне идти?

– Идите по светящейся линии. Пока вы движетесь в правильном направлении, ваш билет будет светиться.

Гааль двинулся вперед, стараясь не потерять свою линию. Сотни людей двигались по огромному пространству космопорта, следуя за своими светящимися полосами, останавливаясь в нерешительности в точках пересечения, и снова устремлялись к своим персональным пунктам назначения, скрываясь вдали.

Линия Гааля закончилась. Служащий, одетый в яркую желто-голубую форму из блестящей пластоткани, отталкивающей грязь, подхватил оба его чемодана.

– Прямая линия к «Люксору», – сообщил он.

Следивший за Дорником человек слышал эти слова и подождал, пока тот сядет в тупоносую машину.

Такси сразу же взмыло вверх. Молодой человек глядел вниз сквозь изогнутое стекло широко раскрытыми глазами. Непривычное ощущение полета в замкнутом пространстве заставило его инстинктивно вцепиться в спинку водительского кресла. Необъятность пространства мгновенно исчезла, сжалась, люди внизу превратились в муравьев, беспорядочно ползающих по полу, который продолжал быстро сжиматься и уноситься назад.

Впереди показалась стена, испещренная отверстиями входов в тоннели.

Она начиналась далеко в вышине и тянулась во все стороны, исчезая из поля зрения. Такси, в котором сидел Гааль, подлетело к одному из отверстий и нырнуло в него. На мгновение Дорник задумался: как удалось водителю из множества тоннелей выбрать именно этот?

Вокруг была непроглядная тьма, которую лишь изредка прорезали пронесившиеся мимо сигнальные огни. Воздух был наполнен звуками машин, мчавшихся вокруг с огромной скоростью.

Гааля мягко толкнуло вперед, когда такси затормозило, вылетая из тоннеля, и опустилось на землю.

– Отель «Люксор», – объявил водитель, хотя это и так было ясно. Он помог Гаалю вытащить багаж, с невозмутимым видом сунул в карман десять кредиток «на чай», забрал ожидавшего на стоянке пассажира и улетел. За все время, прошедшее с момента посадки корабля, Дорник не увидел ни клочка чистого неба.

Глава 3

Трантор — ... В начале тринадцатого тысячелетия эта тенденция достигла своего апогея. Планета Трантор, на которой еще сотни поколений назад обосновалось правительство Империи, расположенная в центральном районе Галактики, окруженная большим количеством высокоразвитых густонаселенных миров, не могла не стать самым мощным центром цивилизации за всю историю существования человечества.

Растущая урбанизация планеты, в конце концов, достигла предела. Вся поверхность Трантора площадью в 75.000.000 квадратных миль представляла собой единый город. Население планеты в период ее наибольшего расцвета превысило сорок миллиардов человек. И вся эта огромная масса людей отдавала свои силы административным нуждам Империи — и, казалось, этих людей не хватало для выполнения задач, стоявших перед ними — столь сложны были эти задачи. (Здесь, однако, необходимо учитывать, что последние правители, безразличные к судьбе Галактической Империи, не могли обеспечить адекватного управления ею, что и явилось решающим фактором, приведшим к падению Империи.) Ежедневно десятки тысяч кораблей доставляли с двадцати сельскохозяйственных планет продукты питания к обеденному столу жителей Трантора...

Эта зависимость столицы от регулярности поставок пищевых и других жизненно важных продуктов из других миров делала Трантор все более уязвимым для попыток захвата путем блокады. Многократно повторявшиеся в течение последнего тысячелетия восстания заставили императоров осознать эту опасность, и в результате имперская политика свелась в основном к защите жизненно важных артерий Трантора...

Галактическая энциклопедия

Гааль не знал, светит ли сейчас Солнце; он не знал даже, день сейчас или ночь, и ему было неловко спрашивать об этом. Казалось, вся планета обитала под огромным металлическим колпаком. Ему только что принесли «второй завтрак», но это ничего не значило — обитатели многих планет жили по стандартному времени, не принимая во внимание вносившие неразбериху смены дня и ночи. Скорости вращения разных планет вокруг оси были различны, а скорости вращения Трантора Гааль не знал.

Поначалу, обнаружив указатель с надписью «Солярий», он двинулся в этом направлении, но это оказалось всего лишь помещение, где можно было загорать при искусственном солнечном свете. Простояв там в растерянности пару минут, Дорник вернулся в главный вестибюль «Люксора» и осведомился у портье:

— Где бы я мог купить билет на экскурсию по планете?

— Прямо здесь.

— Когда она начинается?

— К сожалению, сегодняшнюю вы уже пропустили. Следующая — завтра. Вы можете приобрести билет сейчас, и вам будет забронировано место.

Но завтрашний день не устраивал Гааля — завтра он должен быть в Университете.

— А у вас нет обзорной башни или чего-нибудь в этом роде — под открытым небом?

— Конечно, есть. Если хотите — можете купить билет. Подождите минутку — я только проверю, не идет ли дождь. — Он нажал кнопку у своего локтя и прочел текст, возникший на матовом экране. Дорник читал вместе с ним.

– Погода ясная. Вообще-то сейчас довольно сухое время года, – сообщил портье и доверительно добавил. – Сам я не очень люблю выбираться наружу. Последний раз я там был года три назад. Вполне достаточно взглянуть на это один раз – потом уже ничего нового там не увидишь. Вот ваш билет. Специальный лифт позади вас – там есть надпись: «На башню».

Лифт был новой конструкции и приводился в действие антигравитационным устройством. Гааль вошел внутрь, и за ним последовали остальные пассажиры.

Оператор нажал кнопку. На мгновение Дорник завис в воздухе, но потом снова стал обретать вес, по мере того, как лифт набирал скорость. Затем началось торможение, и его ноги вновь оторвались от пола. Он невольно ойкнул.

Оператор крикнул ему:

– Суньте ноги под перекладину! Вы что, читать не умеете?

Остальные пассажиры уже давно это проделали. Улыбаясь, они наблюдали, как Гааль тщетно пытается сползти вниз по стене. Их ноги были прижаты хромированными перекладинами, расположенными у пола параллельно друг другу на расстоянии около двух футов. Он заметил эти приспособления, еще входя в лифт, но не понял, для чего они предназначены.

Но тут чья-то рука стащила его вниз. Гааль промычал благодарность, и тут лифт остановился. Они вышли на открытую площадку, залитую ослепительным солнечным светом. Человек, который помог Гаалю, оказался позади него.

– Здесь мест хватает, – любезно сообщил он.

Гааль захлопнул рот, который было раскрыл от изумления.

– Да, вы правы, – он автоматически направился к креслам, но тут же остановился.

– Если вы не возражаете, я лучше подойду к перилам. Хочется посмотреть на все это.

Человек добродушно махнул рукой, и Дорник подошел к перилам и остановился, упиваясь раскинувшейся перед ним панорамой.

Земли нигде не было видно – она была скрыта сложнейшими рукотворными конструкциями. Горизонта тоже не наблюдалось – на фоне неба всюду возвышались металлические постройки, сливавшиеся вдали в однообразную серую массу.

Гааль догадался, что ту же картину можно было увидеть в любой точке планеты. Планета-город застыла, и лишь несколько прогулочных яхт лениво плыли по небу, но молодой человек знал, что миллиарды людей находились в постоянном движении под металлической скорлупой этого мира.

Зелени тоже не было. Не видно было ни растительности, ни почвы, ни каких-либо живых существ, кроме людей. Гааль знал, что где-то на планете находится дворец Императора и сад, разбитый более чем на сотне квадратных миль первозданной земли, утопающий в зелени деревьев и буйстве красок цветов на многочисленных клумбах, – маленький островок живой природы в безбрежном океане стали – но с того места, где он стоял, этого оазиса не было видно. Он мог находиться за тысячи миль отсюда – но где именно – Гааль не знал.

Но он надеялся, что через некоторое время сможет увидеть его во время экскурсии.

Гааль Дорник глубоко вздохнул, осознавая, наконец, что он находится на Транторе, в центре Галактики и человеческой цивилизации. Он не видел ее слабых сторон. Не видел то и дело прибывающих кораблей с продовольствием; не сознавал, что жизнь сорока миллиардов обитателей Трантора зависела от тоненькой, но жизненно важной ниточки, соединявшей столицу с остальной Галактикой. Он думал лишь о величайшем подвиге Человека, окончательно и даже с некоторым пренебрежением покорившего Вселенную.

Продолжая рассеянно глядеть куда-то вдаль, он отошел от барьера.

Спутник по лифту жестом указал на кресло по соседству, и Гааль сел.

Мужчина улыбнулся:

– Меня зовут Джиррил. Вы впервые на Транторе?

– Да, мистер Джиррил.

– Я так и понял. Кстати, Джиррил – это не фамилия, а имя. Да, Трантор поражает воображение людей с поэтическим складом ума; хотя сами транторцы редко поднимаются сюда – это зрелище действует им на нервы.

– Действует на нервы?! Кстати, мое имя – Гааль. Но это же великолепное зрелище!

– Это все из-за субъективности восприятия. Если человек родился, вырос и работает в тесных комнатах и узких коридорах, то выход сюда, на открытое пространство, когда над головой – одно бездонное небо, – может привести к серьезному нервному потрясению. Правда, с пяти лет сюда начинают поднимать детей – по разу в год. Хотя я сомневаюсь, что в этом есть смысл – первые несколько раз ребятишки просто впадают в истерику. Следовало бы поднимать их сюда с грудного возраста, и не реже раза в неделю.

– Действительно, в этом, наверное, нет особого смысла. Даже если они никогда не выйдут наверх – они будут счастливы там, внизу, – ведь это они управляют Империей. Кстати, вы не знаете, на какой высоте мы находимся?

Наверное, где-то около полумили? – Гааль спохватился, не звучит ли его вопрос слишком наивно.

Джиррил мягко усмехнулся:

– Нет, всего пятьсот футов.

– Как?! Мы ведь поднимались на лифте около...

– Совершенно верно. Только больше половины времени занял подъем к поверхности земли. Город на Транторе уходит более чем на милю в глубину.

Это как айсберг – девять десятых всех конструкций скрыты под землей. Часть из них уходит даже на несколько миль под дно бывшего океана. Здесь зарылись так глубоко, что используют перепад температур между поверхностью планеты и глубинными слоями для выработки электроэнергии. Вы не знали об этом?

– Нет. Я думал, вы используете атомные генераторы.

– Раньше так и было, но этот способ оказался дешевле.

– По-видимому.

– А вы что думаете обо всем этом? – на миг добродушное выражение исчезло с лица Джиррила.

Гааль замялся.

– Это потрясающее зрелище, – выговорил он.

– Вы здесь в отпуске? Путешествуете? Осматриваете достопримечательности?

– Не совсем. Я давно уже хотел посетить Трантор, а сейчас мне предложили здесь работу.

– Работу?

– Меня пригласили участвовать в проекте доктора Селдона из Транторского Университета, – счел нужным пояснить Дорник.

– Ворона-Селдона?

– Не понял... Я имел в виду доктора Хари Селдона, психоисторика. А никакого ворона-Селдона я не знаю...

– Так я о нем и говорю. Его прозвали вороном – Селдон постоянно каркает и предсказывает всякие несчастья.

– Seriously? – Гааль был искренне удивлен.

– Вам бы следовало это знать – ведь вы же собираетесь работать у него?

– Да, собираюсь. Я математик. А что за несчастья он предсказывает?

– А вы не знаете?

– Боюсь, что не имею ни малейшего представления. Я читал статьи Селдона и его коллег. По теоретической математике.

– Далеко не все его работы были опубликованы.

Гааль начал испытывать раздражение.

– Пожалуй, мне пора идти. Приятно было с вами познакомиться.

Джиррил равнодушно помахал рукой ему вслед.

В номере Гааля Дорника ожидал человек. От неожиданности Гааль не задал обычный в таких случаях вопрос: «Вы что здесь делаете?» Человек поднялся ему навстречу. Был он стар, почти лыс и при ходьбе прихрамывал, но Дорник увидел лишь его ясные голубые глаза.

«Меня зовут Хари Селдон», – произнес он за мгновение до того, как затуманенный мозг Гааля Дорника сопоставил обращенное к нему лицо с многочисленными фотографиями, которые он неоднократно видел ранее.

Глава 4

Психоистория – ...Гааль Дорник с помощью нематематических понятий определил психоисторию, как раздел математики, рассматривающий реакции больших групп людей на долгодействующие социально-экономические стимулы...

...На основании вышеупомянутых определений было сделано заключение, что рассматриваемые группы людей достаточно велики, чтобы стать объектами точного статистического анализа.

Необходимые размеры таких групп определяются по первой теореме Селдона, которая... Другим необходимым условием является отсутствие у указанных групп людей информации о том, что они являются объектами психоисторического анализа, чтобы их реакции являлись действительно произвольными...

В основе психоисторического анализа лежат разработанные Селдоном функции, которые проявляют свойства, соответствующие таким социальным и экономическим факторам, как...

Галактическая энциклопедия

– Добрый день, сэр, – произнес Гааль, – я, я...

– Вы думали, что мы увидимся только завтра? Так оно и было бы в нормальной ситуации, но сейчас, чтобы воспользоваться вашими услугами, приходится действовать немедленно. Нам становится все труднее подбирать себе сотрудников.

– Извините, сэр, но я вас не понимаю.

– Вы ведь разговаривали с человеком на обзорной башне?

– Да. Его звали Джиррил. Больше я о нем ничего не знаю.

– Имя – не важно. Он агент Комиссии общественной безопасности, и он следил за вами от самого космопорта.

– Но почему? Я ничего не понимаю...

– Он говорил что-нибудь обо мне?

Гааль замялся.

– Он назвал вас вороном-Селдоном.

– А он сказал, почему?

– Said, что вы предсказываете несчастья.

– Правильно. Как вам нравится Трантор?

Дорник не нашел другого эпитета, кроме «великолепно».

– Вы произнесли это рефлекторно; ну, а что по этому поводу может сказать психоистория?

– Я не пробовал применить ее к этому вопросу...

– Пока я жив, вы, молодой человек, должны будете научиться применять психоисторию к любым проблемам – это должно стать само собой разумеющимся. Смотрите.

Селдон извлек из карманчика у пояса калькулятор. Говорили, что он кладет калькулятор даже под подушку, чтобы пользоваться им в минуты бессонницы. Серая блестящая поверхность приборчика была потерта от долгого пользования. Уже покрытые возрастными пятнами, но еще проворные пальцы Селдона забежали по пластиковой панельке. На табло стали появляться красные светящиеся значки.

– Вот положение Империи на сегодняшний момент, – заявил Селдон и сделал паузу, ожидая, что скажет Гааль.

– Но это, наверное, не полная картина? – проговорил, наконец, молодой человек.

– Совершенно верно. Я рад, что вы не верите людям на слово. Но это приближение является доказательством теоремы. Надеюсь, с этим вы согласны?

– Согласно результатам последней проверки производной функции, это так, – Дорник очень старался избежать возможной ловушки.

– Хорошо. Но добавим к этому вероятность убийства Императора, возможность восстания под предводительством вице-короля, периодические экономические кризисы, снижение активности по исследованию новых планет и кроме того...

Он все продолжал. Упоминая очередной фактор, он каждый раз касался панельки, и на табло появлялся новый символ, тут же включавшийся в основную функцию, в результате чего та постепенно расширялась и изменялась.

Гааль перебил старика только один раз:

– Такое преобразование этого множества мне кажется сомнительным.

Селдон повторил операцию медленнее.

– Но ведь вы произвели это с помощью запрещенной социальной операции!

– Хорошо, молодой человек, соображаете вы быстро – но все же недостаточно быстро. В такой комбинации она не запрещена. Давайте-ка разложим по рядам.

На этот раз процедура заняла куда больше времени; но, когда Селдон закончил ее, Дорник смущенно произнес:

– Да, теперь я понял. Вы были правы.

Наконец Селдон завершил все преобразования.

– Вот Трантор через пятьсот лет. Что вы можете сказать по этому поводу? – он склонил набок голову, ожидая.

Гааль не верил своим глазам.

– Полный крах! Но этого не может быть!.. Трантор всегда был...

Возбужденное напряжение, свойственное обычно лишь молодым, переполняло Хари Селдона – казалось, у него состарилось только тело.

– Но вы сами видели, как мы получили этот результат! Выразите его словами, забудьте на минуту о символах.

Дорник медленно заговорил:

– С постепенным углублением специализации Трантор оказывается все более уязвимым, неспособным защитить себя. Одновременно, как административный центр Империи, он становится все более ценной добычей.

Линия наследования престола становится все более спорной, а вражда между знатными семьями – открытой. Социальная ответственность исчезает начисто.

– Достаточно. Какова численная вероятность полного уничтожения столицы в течение пяти веков?

– Я затрудняюсь сказать.

– Но вы, конечно, могли бы провести дифференцирование поля?

Дорник почувствовал оказываемое на него давление. Селдон не предложил ему свой калькулятор, хотя панель его была всего лишь на расстоянии фута от глаз молодого человека. Гааль стал лихорадочно считать в уме, чувствуя, как на лбу его проступает пот. Наконец, он выдал ответ:

– Примерно восемьдесят пять процентов.

– Неплохо, – протянул Селдон, выпятив нижнюю губу, – но и не блестяще. Точный ответ – девяносто два с половиной процента.

– За это вас и прозвали вороном-Селдоном? Подобных расчетов в журналах я не встречал, – сказал Гааль.

– Естественно. Это – не для печати. Не может же Империя позволить открыто заявлять о ее нестабильности! Но для психоистории это довольно простое упражнение. Однако недавно в аристократические круги просочилась информация о некоторых наших исследованиях.

– Это плохо?

– Не обязательно. Мы стараемся учитывать все факторы.

– Так вот почему за мной следили!

– Да. Все, имеющее отношение к моему проекту, находится под их наблюдением.

– Вам грозит опасность, сэр?

– О, да. Существует вероятность – одна целая семь десятых процента – что меня приговорят к смертной казни. Разумеется, проект это не остановит – такую возможность мы тоже учли. Ну хорошо, думаю, завтра мы увидимся в Университете.

– Конечно!

Глава 5

Комиссия Общественной Безопасности – ...После убийства Клеона I, последнего императора из династии Энтанов, власть перешла в руки группы аристократов. Обычно в течение многих веков аристократические группы вносили элемент порядка в положение Империи, периодически характеризовавшиеся нестабильностью и неопределенностью.

Группы эти находились под контролем влиятельных семейных кланов Ченов и Дивартов и служили в основном слепым орудием для поддержания существующего строя...Они еще сохраняли некоторую власть в государстве, пока на престол не взойшел последний сильный император Клеон II. Первый Верховный комиссар...

...С определенной долей достоверности можно считать, что ослабление влияния Комиссии началось после процесса Хари Селдона, который состоялся за два года до начала Эры Основателей.

Процесс этот был описан Гаалем Дорником в его биографии Хари Селдона...

Галактическая энциклопедия

Гааль не смог сдержать своего обещания. Наутро его разбудил негромкий звонок. Он взял трубку и услышал голос портье – также негромкий, вежливый, но вместе с тем укоризненный, – что, впрочем, было вполне естественно при данных обстоятельствах, – ибо голос этот сообщил, что по распоряжению Комиссии общественной безопасности Гааль находится под домашним арестом.

Он тут же кинулся к двери и убедился, что она не открывается. Оставалось только одеться и ждать.

Вскоре за ним пришли и куда-то повели – он по-прежнему был под арестом. Потом ему стали задавать вопросы – все очень вежливо, в рамках приличий. Гааль Дорник честно рассказал, что он прилетел из провинции, с планеты Синнакс, учился, получил докторскую степень по математике, подал заявление о принятии на работу в группу доктора Селдона – и был принят. Он вновь и вновь повторял свой рассказ со всеми подробностями – и каждый раз они снова возвращались к вопросу об его участии в проекте Селдона. Как он узнал о нем, какие должен был выполнять обязанности, какие ему были даны секретные инструкции, в чем состоит суть проекта?

Всякий раз Дорник отвечал, что ничего не знает, что никаких секретных инструкций он не получил – что он только ученый, математик, и политикой не интересуется...

Наконец, ласковый инквизитор осведомился:

– И когда же будет уничтожен Трантор?

– Об этом я ничего не знаю, – с запинкой проговорил Гааль.

– А кто знает?

– За других я отвечать не могу, – его вдруг бросило в жар.

– Вам кто-либо говорил об уничтожении Трантора? Называл конкретные сроки?

Молодой человек заколебался, а инквизитор тем временем продолжал:

– За вами следили, доктор. Наши люди находились в космопорте, когда вы прилетели, и на обзорной башне, где вы ждали встречи. И, разумеется, мы слышали вашу беседу с доктором Селдоном.

– Тогда вы и сами знаете, что он думает по этому поводу, – заметил Гааль.

– Но нам бы хотелось услышать и ваше мнение.

– Доктор Селдон считает, что Трантор будет разрушен в течение ближайших пяти веков.

– И у него есть... математические доказательства?

– Да, безусловно, – вызываяще ответил Дорник.

– И вы считаете, что его... расчеты – верны?

– Раз доктор Селдон ручается за них, то вероятность ошибки практически исключена.

– Позже мы еще вернемся к этому вопросу.

– Подождите! Я требую присутствия адвоката! – спохватился вдруг Гааль. – Как гражданин Империи, я имею на это право!

– Ваши права будут соблюдены.

Это оказалось правдой.

Вскоре вошел высокий человек с лицом, состоявшим, казалось, из одних вертикальных линий, и таким хмурым, что улыбка, скорее всего, просто не смогла бы на нем уместиться.

Гааль устало поднял голову навстречу вошедшему. Он пробыл на Транторе не более тридцати часов, а за это время уже произошло столько событий!

– Меня зовут Лорс Эваким. Я буду защищать вас по поручению доктора Селдона, – заявил высокий человек.

– Да? Тогда слушайте: я требую немедленной апелляции к Императору! Меня арестовали незаконно. Я ни в чем не виноват. Ни в чем! – он резко развел руками. – Я хочу срочно добиться слушания дела у Императора.

Пока он говорил, Эваким методично раскладывал на полу содержимое принесенной с собой тонкой папки. Если б Дорник находился в более спокойном настроении, он бы обратил внимание на юридические бланки из целломета – тонкие пленки, предназначенные для зарядки в персональную капсулу. Потом на свет появился миниатюрный магнитофон.

– Уверен, что Комиссия держит нас под контролем прослушивающих лучей. Это незаконно, но их это не остановит.

Гааль тут же замолчал и скрипнул зубами.

– Но магнитофон, который я принес, – невозмутимо продолжал Эваким, усаживаясь в кресло, – внешне самый обыкновенный – снабжен одним дополнительным устройством, которое полностью нейтрализует эти лучи. Но об этом они догадаются не сразу.

– Значит, мы можем спокойно разговаривать?

– Разумеется.

– Я настаиваю на слушании у Императора.

Эваким холодно улыбнулся. Как выяснилось, на его вытянутом лице все же нашлось место для улыбки – при этом щеки его собрались гармошкой.

– Вы ведь из провинции? – осведомился он.

– Да, но я такой же гражданин Империи, как вы или члены той же самой Комиссии общественной безопасности.

– Естественно. Просто вы, как провинциал, не осведомлены о жизни Трантора. У Императора не бывает слушаний.

– К кому же тогда можно подать апелляцию на действия Комиссии? Такая процедура предусмотрена?

– Нет. Формально вы можете апеллировать к Императору, но слушания все равно не будет. Поймите, теперешний Император – это отнюдь не правитель времени династии Энта-нов. Фактически власть на Транторе находится в руках аристократических кланов, а Комиссия общественной безопасности как раз из них и состоит. Это развитие событий было достаточно точно предсказано психоисторией.

– Действительно? – удивился Дорник. – Но если доктор Селдон может предсказать развитие событий на Транторе на пять столетий вперед...

– Может и на пятнадцать.

– Не сомневаюсь. Но почему же тогда он не смог предугадать события сегодняшнего утра и не предупредил меня вчера? – Гааль Дорник сел и оперся щекой о вспотевшую ладонь. – Конечно, я знаю, что психоистория – наука статистическая, и с ее помощью трудно предсказать будущее отдельного человека – но, тем не менее, все эти события меня весьма расстроили.

– Вы ошибаетесь. Доктор Селдон предполагал, что именно сегодня утром вас могут арестовать.

– Что?!

– Мне очень жаль, но это так. Отношение Комиссии к его работе становилось все более подозрительным. Они чинили все большие препятствия к привлечению к проекту новых сотрудников. И графики показали, что для достижения конечной цели события следует довести до кульминации именно теперь. Доктор Селдон специально посетил вас вчера, чтобы ускорить развитие событий – так как Комиссия действовала слишком нерешительно.

Гааль чуть не задохнулся от возмущения:

– Я протестую!..

– Поймите, это было необходимо. Вас выбрали отнюдь не по каким-то личным соображениям. Вам следует знать, что проект доктора Селдона разрабатывался на основе новейших достижений математики в течение восемнадцати лет, и он учитывает практически все возможные факторы с большой степенью вероятности. Сегодняшние события – только один из этих факторов. Меня прислали, чтобы успокоить вас и заверить, что опасаться нечего. Для вас все закончится благополучно; о самом проекте с большой вероятностью можно сказать то же самое. Что касается вас лично, то расчеты дают благоприятный исход с большой степенью достоверности.

– Какова численная вероятность этого? – осведомился Гааль.

– Относительно проекта – девяносто девять и девять десятых процента.

– А относительно меня?

– Как мне сказали – семьдесят семь и две десятых процента.

– Значит, у меня куда больше одного шанса сесть в тюрьму или быть приговоренным к смертной казни!

– Вероятность последнего не больше одного процента.

– Да? Я понял, что расчеты судьбы отдельного человека ничего не говорят. Я хочу видеть доктора Селдона.

– К сожалению, это невозможно. Доктор Селдон тоже арестован.

Дверь распахнулась. Дорник испуганно вскочил со стула. Вошедший охранник подобрал магнитофон, внимательно осмотрел его и сунул в карман.

– Он нужен мне для работы, – негромко произнес Эваким.

– Мы предоставим вам другой магнитофон, господин советник, который не излучает статическое поле.

– Тогда наша беседа закончена.

Гааль проводил его долгим взглядом.

Глава 6

Процесс длился сравнительно недолго и мало напоминал те изощренные судебные процедуры, о которых Гааль читал. Наступил третий день суда, хотя Дорник уже с трудом мог вспомнить его начало.

На его долю достались лишь комариные укусы – вся тяжелая артиллерия была нацелена на доктора Селдона. И, тем не менее, Хари Селдон оставался невозмутимым. Гаалю казалось, что этот человек был единственным воплощением спокойствия и стабильности среди всех окружающих.

Присутствовали немногие, и те – исключительно бароны Империи. Ни пресса, ни общественные представители допущены не были. Впрочем, вряд ли кто-либо, кроме присутствующих, знал, что проходит суд над Хари Селдоном.

Сама атмосфера зала была наполнена враждебностью по отношению к обвиняемым.

За длинным столом, установленным на возвышении, расположились пятеро членов Комиссии общественной безопасности. Они были облачены в пурпурные с золотой каймой одеяния и облегающие голову шапочки из пластика – символ судебной власти. Посередине восседал Верховный комиссар Линь Чен. Дорник наблюдал за ним с почтительным трепетом – ему еще никогда не приходилось видеть вельможу столь высокого ранга. В течение процесса Чен редко произносил что-нибудь, давая понять, что многословие ниже его достоинства.

Адвокат Комиссии перелистал свои записи, и слушание дела продолжилось. Селдон снова занял место за кафедрой.

Вопрос:

– Итак, доктор Селдон, сколько человек занято сейчас в возглавляемом вами проекте?

Ответ:

– Пятьдесят математиков.

Вопрос:

– Входит ли в их число доктор Гааль Дорник?

Ответ:

– Он – пятьдесят первый.

Вопрос:

– Значит, всего пятьдесят один? А, может быть, пятьдесят два или пятьдесят три? Или еще больше? Вспомните как следует, доктор Селдон.

Ответ:

– Формально доктор Дорник еще не является моим сотрудником. Когда я приму его на работу, у меня будет пятьдесят один человек. Сейчас нас пятьдесят, как я уже говорил.

Вопрос:

– По нашим данным, на вас работает сто тысяч человек.

Ответ:

– Сто тысяч математиков? Вы ошибаетесь.

Вопрос:

– Я не говорил – математиков. Если взять всех людей, работающих на ваш проект в разных областях, наберется их сто тысяч?

Ответ:

– Если так ставить вопрос, ваша цифра, возможно, и верна.

Вопрос:

– Возможно? Я утверждаю, что так оно и есть! Всего в вашем проекте задействовано девяносто восемь тысяч пятьсот семьдесят два человека.

Ответ:

– Видимо, в эту цифру входят также женщины и дети.

Вопрос (повысив голос):

– Суть состоит в том, что всего их девяносто восемь тысяч пятьсот семьдесят два человека. Это факт, и нечего от него увиливать!

Ответ:

– Хорошо, я согласен с этой цифрой.

Вопрос (заглянув в записи):

– Теперь отставим это на время в сторону и вернемся к другому вопросу, который мы уже довольно долго обсуждали. Доктор Селдон, повторите ваши прогнозы относительно будущего Трантора.

Ответ:

– Я говорил уже и снова повторяю: через пять веков Трантор будет разрушен.

Вопрос:

– Как вы считаете, лояльно ли ваше заявление по отношению к Императору?

Ответ:

– Нет, сэр. Научная истина не бывает лояльной или нелояльной.

Вопрос:

– Вы уверены, что ваше заявление является научной истиной?

Ответ:

– Да.

Вопрос:

– На каком основании?

Ответ:

– На основании математических расчетов по методике психоистории.

Вопрос:

– Можете ли вы доказать, что ваши расчеты верны?

Ответ:

– Да, но эти доказательства будут понятны только математику.

Вопрос (с улыбкой):

– Значит, вы утверждаете, что ваша истина столь сложна, что простой человек не в состоянии ее понять? Не кажется ли вам, что истина должна быть более понятной, доступной для людей, а не такой таинственной?

Ответ:

– Для некоторых людей эта истина является вполне ясной. Физика передачи энергии, известная под названием «термодинамики», была выяснена и оставалась верной на протяжении практически всей истории Человечества, с самых давних времен, но и сейчас существует множество людей (в том числе и здесь присутствующих), которые не смогли бы построить даже простейшую силовую установку. Причем это люди с высокоразвитым интеллектом. Я сомневаюсь, что высокообразованный господин комиссар...

В этот момент один из членов Комиссии наклонился к адвокату. Нельзя было разобрать, что он сказал, но голос его звучал довольно сурово.

Покраснев, адвокат прервал Селдона.

Вопрос:

– Доктор Селдон, мы собрались здесь не для того, чтобы выслушивать ваши речи. Считайте, что вы доказали свою точку зрения. Однако я считаю необходимым отметить, что ваш прогноз может быть направлен на подрыв доверия народа к правительству Империи и служить вашим личным интересам.

Ответ:

– Это не так.

Вопрос:

– Однако вы утверждаете, что период, который должен предшествовать так называемому падению Трантора, будет изобиловать различными смутами и беспорядками?

Ответ:

– Совершенно верно.

Вопрос:

– Но сам факт такого предсказания может привести к указанным вами беспорядкам, а вы в это время окажетесь предводителем сотысячной армии!

Ответ:

– Во-первых, это неверно. Но даже если бы дело обстояло именно так, вы сами легко можете выяснить, что из этих ста тысяч наберется не более десяти тысяч мужчин, годных по возрасту к военной службе, и ни один из них не проходил военной подготовки.

Вопрос:

– Состоите ли вы на службе у какого бы то ни было лица?

Ответ:

– Нет.

Вопрос:

– Вас не интересуют материальные блага? Вы утверждаете, что служите исключительно науке?

Ответ:

– Вы совершенно правы.

Вопрос:

– Хорошо. Посмотрим, как у вас это получается. Скажите, доктор Селдон, возможно ли изменить будущее?

Ответ:

– В некоторых пределах. К примеру, в ближайшие несколько часов зал суда может быть взорван, но этого может и не произойти. Если он будет взорван, будущее немного изменится.

Вопрос:

– Не уходите от ответа, доктор Селдон. Возможно ли полное изменение хода человеческой истории?

Ответ:

– Да.

Вопрос:

– Насколько сложно это сделать?

Ответ:

– Очень сложно. Для этого необходимы огромные усилия.

Вопрос:

– Почему?

Ответ:

– Население Трантора огромно, и поэтому психоисторические тенденции этой планеты обладают огромной инерцией. Для их изменения необходимо противостояние объекта, обладающего не меньшей инерцией. Либо необходимо вовлечь в этот процесс огромное количество людей, либо – если будет действовать относительно небольшая группа людей – для перемен потребуется очень большой промежуток времени. Вы меня понимаете?

Вопрос:

– Кажется, да. Падения Трантора удастся избежать, если огромное количество людей будет действовать, чтобы предотвратить катастрофу.

Ответ:

– Совершенно верно.

Вопрос:

– Достаточно ли ста тысяч человек, чтобы справиться с этой задачей?

Ответ:

– Нет, сэр. Этого количества недостаточно.

Вопрос:

– Вы уверены в этом?

Ответ:

– Подумайте сами: в настоящий момент на Транторе проживает свыше сорока миллиардов человек. Учтите также, что тенденция, ведущая к падению Трантора, связана не только со столицей, но и со всей Империей – а ее население составляет почти квинтиллион человек.

Вопрос:

– Ясно. Но, может быть, сто тысяч человек способны изменить эту тенденцию, если на это будут направлены усилия их и их потомков в течение пятисот лет?

Ответ:

– По-видимому, нет. Пятьсот лет – слишком малый срок.

Вопрос:

– Ага! Тогда из вашего заявления следует вполне определенный вывод. В вашем проекте задействовано сто тысяч человек, однако этого недостаточно, чтобы в течение пяти веков предотвратить падение Трантора – это им не удастся, что бы они ни предпринимали.

Ответ:

– К счастью, это так.

Вопрос:

– Но, с другой стороны, никаких противозаконных целей эти люди не преследуют.

Ответ:

– Абсолютно верно.

Вопрос: (медленно и удовлетворенно)

– Тогда, доктор Селдон, слушайте как можно внимательнее – нам необходим точный ответ на этот вопрос. Какую цель преследует ваша стотысячная группа сотрудников?

Голос адвоката стал неприятно-скрипучим. Он взвел пружину своего капкана, загнал в него Селдона и, казалось бы, не оставил ему никаких путей к отступлению.

Шум голосов стал громче; он прокатился по всему залу, не оставив равнодушными даже членов Комиссии. Они склонялись друг к другу, шелестя своими пурпурными золочеными мантиями. Молчание сохранял только Верховный комиссар.

Хари Селдон сохранял невозмутимое спокойствие, ожидая, пока гул голосов стихнет.

Ответ:

– Их цель – свести к минимуму последствия катастрофы.

Вопрос:

– Конкретнее.

Ответ:

– Объяснить это несложно. Дело в том, что предстоящее падение Трантора не является изолированным событием в модели развития человеческой цивилизации. Эта тенденция зародилась много столетий назад и сейчас развивается с постоянным ускорением; падение Трантора будет являться кульминацией этого длительного процесса. Я имею в виду начинающийся упадок и последующий полный крах Галактической Империи.

Зал взорвался ревом. Адвокат, на которого никто больше не обращал внимания, вопил: «И вы осмеливаетесь открыто...» Его заглушили выкрики из зала: «Измена!»

Верховный комиссар не спеша поднял свой молоток и опустил его вниз.

Негромкий звук гонга прорезал всеобщий шум, и когда он затих, в зале воцарилась тишина.

Адвокат глубоко вздохнул.

Вопрос (с театральным пафосом):

– Вы отдаете себе отчет, доктор Селдон, что речь идет об Империи, возраст которой составляет двенадцать тысяч лет, которая выстояла, несмотря на все трудности, в течение множества поколений людей, которая опирается на любовь и преданность миллиардов своих подданных?!

Ответ:

– Мне хорошо известна история Империи и ее современное положение. При всем моем уважении к собравшимся здесь я могу заявить, что разбираюсь в этом вопросе намного лучше любого из вас.

Вопрос:

– И, тем не менее, вы предрекаете крах Империи?

Ответ:

– Его предсказывает математика. Лично я рассматриваю такую перспективу с сожалением. Даже если допустить, что Империя не является идеальным вариантом общественного устройства (хотя я этого не заявляю), то анархия, которая неизбежна после ее развала, будет значительно хуже.

Поэтому мой проект направлен на борьбу именно с этой анархией. Однако, господа, распад Империи – событие колоссального масштаба и бороться с ним будет очень трудно. О его наступлении свидетельствуют усиление бюрократии, резкое уменьшение проявлений инициативы, жесткая кастовость, подавление всякой любознательности и множество других факторов. Все это, как я уже говорил, началось многие века назад. И процесс этот слишком глубок и обширен, чтобы его можно было повернуть вспять.

Вопрос:

– Но ведь для каждого очевидно, что Империя сейчас так же сильна, как и ранее.

Ответ:

– Внешне пока действительно все в порядке. Создается даже впечатление, что такое положение будет сохраняться вечно. Однако, господин адвокат, позволю себе заметить, что сгнивший изнутри ствол дерева внешне выглядит целым и могучим, пока не налетит ураган и не переломит его надвое. Первые признаки этого урагана уже налицо. И при помощи слухового аппарата психоистории вы сможете уже расслышать треск дерева.

Вопрос (неуверенный):

– Доктор Селдон, мы собрались здесь не для того, чтобы выслу...

Ответ (твердый):

– Распад Империи неизбежен, и все хорошее, что в ней было, исчезнет вместе с ней. Накопленные знания будут утеряны, а порядок, который она поддерживала, превратится в хаос. Настанет период нескончаемых звездных войн, космическая торговля придет в упадок, население значительно сократится, а большинство планет потеряют свои связи с центром Галактики. И это будет длиться многие столетия.

Вопрос (робкий голос на фоне гробового молчания):

– И так будет длиться вечно?

Ответ:

– Психоистория способна предсказать крах Империи; она же делает вывод и о последующих столетиях хаоса. Как здесь уже говорили, Империя успешно продержалась двенадцать тысячелетий – но смутное время, которое наступит после ее распада, продлится тридцать тысяч лет.

Несомненно, со временем возникнет Вторая Империя, но до того тысячи поколений людей будут жить и умирать в страданиях и невежестве. И мы должны бороться против этого.

Вопрос (слегка оправившись от шока):

– Вы противоречите сами себе! Ранее вы утверждали, что не можете предотвратить разрушение Трантора – а из этого следует, что предотвратить развал Империи тем более невозможно!

Ответ:

– Не стану утверждать, что на данном этапе мы можем предотвратить развал. Но есть еще время сократить период безвластия, который за этим последует. Господа, у нас имеется возможность уменьшить время анархии до одного тысячелетия – если моей группе будет позволено немедленно начать действовать. Мы живем в переломный период истории.

Огромный массив стремительно развивающихся событий нужно отклонить совсем немного, чуть-чуть... Сделать больше мы все равно не в силах, но, возможно, этого окажется достаточно, чтобы избавить все Человечество от двадцати девяти тысячелетий варварства.

Вопрос:

– Каким же образом вы предполагаете достичь этой цели?

Ответ:

– Необходимо сохранить знания, накопленные Человечеством. Вся сумма человеческих знаний не может быть постигнута одним человеком, или даже тысячей людей. В результате распада социальной структуры Империи наша наука также рассыплется на мелкие осколки. Лишь немногие люди сохраняют достаточно глубокие знания, но лишь в узких областях отдельных дисциплин.

Сами по себе эти знания будут практически бесполезны. И даже эти бессмысленные обрывки будут утеряны последующими поколениями. Но если мы сейчас обобщим всю сумму имеющейся на сегодняшний день информации, этого не случится. Последующие поколения будут пользоваться этим наследием в своей деятельности, так что им не придется снова открывать уже известное нам. Цивилизация будет создана вновь в течение одного тысячелетия, а не тридцати.

Вопрос:

– Это все...

Ответ:

– Это все и есть моя программа, на которую уже работают тридцать тысяч мужчин с женами и детьми – они посвятили себя подготовке Галактической Энциклопедии. Они не успеют закончить этот колоссальный труд при жизни, а я даже не доживу до действительного начала осуществления своей программы. Но к тому времени, когда Трантор будет уничтожен, Энциклопедия будет закончена, и ее экземпляры окажутся во всех крупных библиотеках Галактики.

Верховный комиссар приподнял и опустил свой молоток. Хари Селдон сошел с кафедры и молча опустил рядом с Гаалем.

– И как вам понравилось это представление? – осведомился он, улыбаясь.

– Оно вам удалось, но что дальше? – осведомился, в свою очередь, молодой человек.

– Вот посмотрите, они прервут заседание и попробуют договориться со мной лично.

– Откуда вы можете это знать?

– Честно говоря, – вздохнул Селдон, – я не знаю. Практически все зависит от Верховного комиссара. Много лет я изучал его характер, поведение... Я пытался анализировать его поступки, но вы-то знаете, что уравнения психоистории слабо применимы в анализе личностных характеристик.

И все же я надеюсь на успех.

Глава 7

Подошедший Эваким, кивнув Гаалю, наклонился к Селдону и что-то тихо сказал ему. Но тут было объявлено о закрытии заседания; Дорника и Селдона увели в разные стороны.

На следующий день все было по-другому. В зале находились только члены Комиссии, Хари Селдон и Гааль Дорник, которые сидели теперь за одним столом с судьями, так что обвиняемых и обвинителей больше ничто не разделяло. Им даже были предложены сигары из пластиковой коробки, переливавшейся всеми цветами радуги – казалось, по крышке ее все время текла тонкая пленка воды, однако под пальцами неизменно оказывалась сухая твердая поверхность.

Селдон сигару взял, Гааль же отказался.

– А где мой адвокат? – осведомился Селдон.

– Это уже не суд, доктор Селдон. Нам необходимо вместе обсудить вопросы безопасности Империи, – ответил один из членов Комиссии.

– Теперь говорить буду я, – произнес Линь Чен, и все остальные члены Комиссии откинулись на спинках своих кресел и приготовились слушать.

Вокруг Чена мгновенно образовалась тишина, в которую должны были падать его слова.

Дорник затаил дыхание. Сухощавый изможденный Верховный комиссар казался старше, чем был на самом деле – фактически он являлся властелином всей Галактики. Ребенок, имевший титул Императора, был только символом, за которым стоял Линь Чен – и далеко не первым символом.

– Доктор Селдон, вы возмущаете спокойствие в имперских владениях. Через сотню лет ни одного человека из квадриллиона теперешних жителей Галактики не будет в живых. К чему нам забивать себе голову событиями, которые должны произойти через пять веков?

– Мне не прожить и пяти лет, – ответил Селдон, – и, тем не менее, этот вопрос меня весьма беспокоит. Вы можете считать меня идеалистом, но считайте, что я отождествляю себя с той мистической сущностью, которую принято именовать словом «Человечество».

– Мне нет никакого дела до мистических теорий. Ничто не препятствует мне избавиться от вас и от ненужного мне пятисотлетнего будущего – которое мне никак не угрожает, – казнив вас сегодняшней ночью.

– Неделю назад, – беззаботно бросил Селдон, – вы могли бы это сделать, и у вас, вероятно, даже был бы при этом один шанс из десяти остаться живым в течение года. Но сегодня на это у вас нет даже одного шанса из тысячи.

В зале повисло напряженное молчание; кто-то из членов Комиссии глубоко вздохнул. Гааль ощутил, как короткие волоски у него на шее встают дыбом. Чен слегка опустил веки.

– Почему? – спокойно осведомился он.

– Падение Трантора предотвратить невозможно – но его легко ускорить.

Слухи о судебном процессе и моем исчезновении разлетятся по всей Галактике. Будут нарушены мои планы, направленные на смягчение последствий краха Империи, – и люди быстро убедятся, насколько зыбко их будущее. Уже сейчас многие с завистью вспоминают, как жили их деды. До людей дойдет, что революции, мятежи, спад торговли в дальнейшем будут только усиливаться. Новая логика поведения – скорее хватать все, что плохо лежит, – быстро возобладает в Галактике. Честолюбивые и неразборчивые в средствах люди тут же начнут активно действовать. И этими своими действиями они лишь ускорят развал Империи. Вы можете казнить меня – но тогда Трантору придет конец не через пятьсот лет, а через пятьдесят. А вам – менее, чем через год.

– Это все детские сказки, – процедил Чен. – Но ваша смерть – не единственный приемлемый для нас вариант.

Он приподнял свою тонкую руку над бумагами – лишь два пальца продолжали касаться верхнего листа.

– Скажите, – спросил он, – ваша деятельность действительно будет заключаться только в подготовке Энциклопедии, о которой вы упоминали?

– Да.

– Для этого вам обязательно находиться на Транторе?

– Желательно, ваше превосходительство. Ведь на Транторе есть Императорская библиотека, кроме того, здесь находятся ученые, работающие в Транторском университете.

– Но разве не лучше было бы вам заниматься своей работой на какой-нибудь отдаленной планете, где бы суета метрополии не была помехой научным изысканиям?

– Этот вариант также имеет свои преимущества.

– Мы уже нашли для вас такую планету. Там вы со своими людьми сможете спокойно работать. В Галактике будут знать, что вы работаете над предотвращением распада Империи. Будет даже объявлено, что вы в силах его предотвратить, – Чен слегка улыбнулся. – Я мало во что верю, и тем более мне трудно поверить в крах Империи, поэтому я буду искренен в этом заявлении. А вы, доктор, не будете нарушать спокойствие на Транторе и во всей Империи своими предсказаниями. В противном случае мы казним вас и всех ваших последователей, которых сочтем нужным казнить. Угрозы свои можете оставить при себе – я в них не верю. Вам надлежит сделать выбор в ближайшие пять минут.

– Ваше превосходительство, какую планету вы отдадите в наше распоряжение? – осведомился Селдон.

– Кажется, она называется Терминус, – ответил Линь Чен. Он небрежно, кончиками пальцев перелистал бумаги и пододвинул их Селдону. – Она необитаема, но для жизни вполне пригодна. После необходимого обустройства этот мир вполне будет отвечать нуждам ваших учеников. Правда, он находится несколько вдалеке...

– Эта планета – на самом краю Галактики, сэр, – прервал его Селдон.

– Как я сказал, Терминус находится несколько вдалеке от других миров. Это даст вам возможность полностью сосредоточиться на научных проблемах. Вам осталось две минуты на размышление.

– Чтобы перебраться туда, нам понадобится немало времени. Ведь переселяться придется двадцати тысячам семей.

– Время вам будет предоставлено.

На мгновение Селдон задумался. Истекала последняя минута.

– Я согласен на ссылку.

При этих словах у Гааля подпрыгнуло сердце. Главным образом он переживал огромную радость, и это было естественно – ведь он только что избежал верной гибели. Но, несмотря на испытываемое облегчение, остался и привкус сожаления о том, что Селдон потерпел поражение.

Глава 8

Они долго молчали, пока такси несло их сквозь сотни миль извивающихся тоннелей в сторону Университета. Потом Гааль шевельнулся и произнес:

– Неужели вы сказали комиссару правду? Ваша смерть действительно ускорила бы распад Империи?

– Когда дело касается психоистории, я никогда не лгу. Кроме того, в этом случае ложь и не спасла бы меня. И Чен знал, что я говорю правду. Как политик, он очень умен, а политики, в силу специфики их занятий, обычно интуитивно чувствуют, что психоистория не врет.

– Тогда почему вы все же выбрали ссылку? – спросил Дорник, но Селдон промолчал.

Когда такси влетело на территорию Университета, мускулы Гааля стали действовать – точнее, бездействовать – независимо от его воли. Из такси его пришлось выносить чуть ли не на руках.

Яркий свет заливал всю территорию Университета. Дорник уже почти забыл о существовании Солнца. Правда, и Университет был расположен не под открытым небом – все его здания были накрыты огромным куполом из прозрачного материала. Материал этот был поляризован, поэтому Гааль мог спокойно смотреть прямо на полыхавшую в зените звезду. Сияние ее бликами отражалось от металлических поверхностей многочисленных зданий.

Здания Университета были серебристого цвета, в отличие от остальных тускло-серых зданий Трантора. Их металлический блеск почему-то вызывал ассоциации со слоновой костью.

– По-моему, это солдаты, – заявил вдруг Селдон.

– Что? – Дорник возвратился из заоблачных высот на грешную землю и узрел перед собой часового.

Они остановились, и тут же из ближайшей двери выглянул предупредительный капитан.

– Доктор Селдон?

– Да, я.

– Мы ждали вашего прибытия. С этого момента вы и ваши сотрудники подчиняетесь законам военного времени. Мне приказано сообщить вам, что вам предоставлено шесть месяцев для подготовки переезда на Терминус.

– Всего шесть месяцев!.. – начал было Гааль, но Селдон незаметно сжал его локоть, и юноша умолк.

– Таков приказ, – констатировал капитан.

Когда он скрылся, Гааль повернулся к Селдону.

– Но что можно успеть за шесть месяцев?! Это же просто замедленное убийство!

– Тише, тише. Давайте лучше пройдем в мой кабинет.

Этот небольшой кабинет был абсолютно недоступен для прослушивания.

Направленные на него специальные лучи не выявляли ни подозрительной тишины, ни еще более подозрительного статического поля. Воспринимался вполне правдоподобный разговор, произвольно составленный из почти бесконечного набора безобидных фраз, которые произносили реальные голоса с соответствующими интонациями.

– Так вот, – Хари Селдон наконец расслабился. – Нам хватит шести месяцев.

– Я не понимаю, как их может хватить.

– Очень просто. Мальчик мой, в нашем плане действия других людей неизменно играют нам на руку. Я же говорил, что характер Чена, его психологический склад были подвергнуты такому скрупулезнейшему анализу, какому никогда ранее не подвергался ни один человек. И мы не допускали начала процесса надо мной, пока время и обстоятельства не предопределили его завершение в нашу пользу.

– Но как вы смогли устроить...

– ...чтобы нас сослали на Терминус? А почему бы и нет?

Он коснулся пальцами определенной точки письменного стола, и небольшой участок стены за его спиной отошел в сторону. Только Селдон мог произвести эту операцию, так как скрытое под поверхностью стола сканирующее устройство реагировало лишь на папиллярные линии его пальцев.

– Там есть несколько микрофильмов, – пояснил Селдон. – Возьмите тот, что помечен буквой «Т».

Гааль отыскал микрофильм, Селдон зарядил его в проектор и передал Дорнику пару окуляров. Тот отрегулировал их, и перед его глазами поплыло изображение...

– ...Но тогда... – произнес он через некоторое время.

– Вас что-то удивляет? – осведомился Селдон.

– Значит, вы уже два года готовились к переезду?

– Два с половиной. Разумеется, мы не были уверены на сто процентов, что будет выбран именно Терминус, но вероятность этого была достаточно велика.

– Но зачем, доктор Селдон? Зачем вы устроили так, чтобы вас отправили в ссылку? Не лучше ли было бы оставаться контролировать события здесь, на Транторе?

– Зачем? К тому есть несколько причин. Работая на Терминусе, мы будем пользоваться поддержкой Императора, и в то же время не возникнет опасений, что мы ставим под угрозу безопасность Империи.

– Но ведь до сих пор вы вызывали такие опасения, чтобы навязать Комиссии решение о вашей ссылке. Я все же не понимаю, зачем это было нужно.

– Скорее всего, эти двадцать тысяч семей не пожелали бы отправиться на задворки Галактики по своей воле.

– Но зачем вам вообще переселяться туда? Это вы мне можете объяснить?

– Пока нет. Сегодня вам достаточно знать, что ученые обоснуются на Терминусе. А второй зародыш будущей цивилизации будет создан, скажем, на другом краю Галактики, – он улыбнулся. – Там, у Границы Звезд. Что же касается дальнейшего, то я скоро умру, и вы сможете увидеть своими глазами куда больше, чем я. И не надо уверять меня в обратном и желать мне доброго здоровья. По словам врачей, жить мне осталось не более двух лет. К тому времени я уже добьюсь в жизни всего, чего хотел. А кто может пожелать лучшего момента для завершения своего жизненного пути?

– А что будет потом, после вашей... смерти?

– Дальше мое дело продолжат мои последователи, в том числе, возможно, и вы сами. Они смогут внести последний штрих в мой план и в нужное время соответствующим образом спровоцировать восстание на Анакреоне, после чего события будут развиваться беспрепятственно в нужном направлении.

– Я снова не понимаю.

– Со временем поймете, – на изрезанном морщинами лице Селдона появилось спокойное и в то же время усталое выражение. – Большинство моих людей переправятся вместе со мной на Терминус, но кое-кто останется. Устроить это будет нетрудно... Что же до меня лично, – чуть слышно прошептал он, – то моя жизнь закончена...

Часть вторая

Энциклопедисты

Глава 1

Терминус – ...Местонахождение этой планеты (см. карту) странно не соответствовало той роли, которую ей было предназначено сыграть в судьбе всей Галактики. Этот мир находится на самом краю одной из спиральных ветвей Галактики и является единственной планетой далекого Солнца. Планета эта бедна полезными ископаемыми и экономического значения практически не имела. В течение пятисот лет, которые прошли с момента ее открытия, она так и не была колонизирована – пока на нее не высадились Энциклопедисты...

С появлением нового поколения Терминус неизбежно должен был стать чем-то большим, чем просто местом обитания психоисториков с Трантора. Начиная с восстания на Анакреоне, которое ознаменовало приход к власти Сэлвора Хардина, первая великая династия...

Галактическая энциклопедия

Луис Пиренн работал за ярко освещенным письменным столом, находившимся в углу комнаты. Он координировал работу ученых, направляя все их усилия на достижение поставленной цели. Сейчас в рисунок этого сложного плана необходимо было вплести несколько недостающих линий.

Ровно пятьдесят лет ушло на то, чтобы создать этот первый в своем роде центр ученых-Энциклопедистов и превратить его в отлично действующий механизм. Пятьдесят лет ушло на сбор и подготовку материалов.

Теперь оставалось совсем немного – через пять лет первый том самого фундаментального труда, издававшегося когда-либо в Галактике, выйдет в свет. Последующие тома будут выходить через каждые десять лет – машина уже запущена. Кроме того, придется выпускать и дополнения к ним – специальные комментарии последних событий, представляющих интерес, пока...

На столе приглушенно, но словно бы с раздражением, зазвонил звонок, и Пиренн непроизвольно вздрогнул – он чуть не забыл о назначенной на сегодня встрече. Он поспешно коснулся ручки, отпиравшей дверной замок, и краем глаза успел заметить, как открылась дверь, и в проеме возникла крупная фигура Сэлвора Хардина. Однако при этом Луис Пиренн даже не поднял головы.

Хардин про себя усмехнулся. У него было мало времени, но он прекрасно знал, что на Пиренна бессмысленно обижаться за его манеру обращения с людьми, мешающими ему работать. Поэтому Сэлвор опустил в кресло по другую сторону стола и стал ждать.

Еле слышно скрипело перо Пиренна, скользя по бумаге. Так продолжалось довольно долго – больше ни движения, ни звука. Наконец, Хардин извлек из жилетного кармана монету в два кредита и подбросил ее. Нержавеющая сталь сверкнула в воздухе отраженным солнечным светом. Хардин поймал монету и снова подбросил ее, лениво глядя на мелькание солнечных бликов.

Нержавеющая сталь оказалась хорошим эквивалентом и средством обмена на планете, которая была вынуждена импортировать металлы.

Пиренн поднял голову и мигнул.

– Перестаньте! – буркнул он.

– Что?

– Перестаньте подбрасывать эту дурацкую монету. Прекратите это... пожалуйста.

– А-а-а, это... – Хардин поймал монету и опустил ее обратно в карман.

– Я бы хотел знать, когда вы освободитесь. Дело в том, что мне необходимо вернуться на заседание Совета до того, как начнут голосование по проекту нового водопровода.

Вздыхнув, Пиренн отодвинул в сторону бумаги.

– Я готов. Но только, пожалуйста, не донимайте меня снова этими городскими проблемами. Вы вполне можете решать их сами. Все свое время я посвящаю Энциклопедии.

– А новости вы слушаете? – флегматично осведомился Хардин.

– Какие новости?

– Те самые, которые два часа назад были переданы по ультраволновой связи Терминуса. Императорский наместник в префектуре Анакреона провозгласил себя королем.

– Да? Ну и что?

– А то, – ответил Сэлвор, – что от внутренних районов Империи мы теперь отрезаны. Мы предполагали подобное развитие событий, но от этого нам не легче. Через Анакреон проходит единственный торговый путь, который связывает нас с Сантэнни, Вегой и самим Трантором. Откуда мы теперь будем получать металлы? Мы уже полгода испытываем нехватку стали и алюминия, а теперь поставки вообще прекратятся; какие бы то ни было грузы мы сможем получать лишь в том случае, если на то будет милостивое разрешение короля Анакреона.

Пиренн нетерпеливо побарабанил пальцами по столу.

– Так и действуйте через него.

– А как? Ведь вы знаете, Пиренн, что согласно Хартии, регламентирующей деятельность нашего Фонда Основателей, вся власть на Терминусе принадлежит Совету попечителей комитета по делам Энциклопедии. Я же, как мэр города Терминуса, обладаю властью, дающей мне право только высморкаться или, скажем, чихнуть, если вы решите аннулировать приказ, дающий мне некоторые полномочия. Так что подобные вопросы должен решать ваш Совет и вы лично. От имени города, процветание которого зависит от регулярности поставок из центральных областей Галактики, я прошу вас назначить экстренное заседание...

– Подождите! Не надо предвыборных речей. Вам ведь хорошо известно, что Совет попечителей отнюдь не препятствовал созданию муниципальных органов правления на Терминусе. Население быстро растет, и мы понимаем необходимость таких органов; кроме того, увеличивается число людей, работающих в отраслях, непосредственно не связанных с выпуском Энциклопедии. Но, тем не менее, наипервейшей и основной целью Фонда остается издание всеобъемлющей Галактической Энциклопедии. Терминус – это государственное научное учреждение, Хардин. И мы не собираемся вмешиваться в местную политику.

– «Местную политику!» Да поймите же, Пиренн, клянусь большим пальцем левой ноги Императора, сейчас дело идет о жизни и смерти! Ведь Терминус не может самостоятельно обеспечивать существование на нем машинной цивилизации. На нем попросту нет металлов, и вы это прекрасно знаете. Ни железа, ни меди, ни алюминия – вообще ничего. А как вы думаете, что случится с вашей Энциклопедией, если мы чем-нибудь не угодим королю Анакреона?

– Вы забываете, что Терминус подчиняется лишь непосредственно Императору. Мы не являемся частью префектуры Анакреона, как и какой-либо другой. Запомните это! Терминус – часть личных владений Императора, так что никто не посмеет нас тронуть. Империя вполне способна защитить свои владения.

– Тогда почему же она позволила Анакреону обрести независимость? Да и не ему одному! Не менее двадцати самых удаленных от центра префектур Галактики уже действуют по собственному усмотрению. Честно говоря, я весьма сомневаюсь, что Империя в состоянии защитить нас.

– Ерунда! Не все ли равно – императорские наместники или короли? С помощью несложных политических интриг Империя всегда справлялась с ними – просто соответствующие люди слегка потянут за неизвестные нам тайные ниточки, и все станет на свои места. Восстания губернаторов случались и раньше, даже Императоров не раз заставляли отречься от престола или убивали. Но все это практически не отражалось на Империи в целом. Так что выбросьте все из головы. Это не наше дело. Мы – ученые, и наша основная забота – Энциклопедия... Да, чуть не забыл!

– В чем дело?

– Разберитесь с этой вашей газетенкой! – ответил Пиренн довольно зло.

– Вы имеете в виду «Городскую газету»? Она не принадлежит мне. У нее есть частные владельцы. А что, собственно, случилось?

– Эта газета уже несколько недель призывает, чтобы пятидесятилетний юбилей образования Фонда был отмечен всеобщим праздником и какими-то нелепыми торжествами.

– А что в этом плохого? Через три месяца радиевые часы откроют Первое Хранилище. Я бы охарактеризовал это событие, как весьма выдающееся. Вы не согласны с этим?

– Но к чему тут это идиотское поклонение, Хардин? Первым Хранилищем занимается только совет попечителей. А я, как вы знаете, являюсь представителем Императора на Термине, и обладаю всей полнотой власти.

По выражению лица Хардина легко было предположить, что он медленно считает в уме до десяти. Наконец он мрачно произнес:

– Кстати, о вашем статусе представителя Императора – у меня есть для вас еще одно сообщение.

– Опять связанное с Анакреоном? – Пиренн раздраженно сжал губы.

– Да. К нам направляется чрезвычайный посланник с Анакреона. Он будет здесь через две недели.

– Посланник? С Анакреона? Направляется сюда? – некоторое время Пиренн молчал, переваривая услышанное. – А зачем?

Хардин поднялся и придвинул кресло к столу.

– Догадайтесь.

И без всяких церемоний хлопнул дверью.

Глава 2

Его высочество Энсельма Родрика Сэлвор Хардин встретил на космодроме со всеми церемониями, полагающимися при таком событии государственной важности. Титул «его высочество» сам по себе указывал благородство происхождения. К тому же Родрик являлся субпрефектом Плуамы, чрезвычайным посланником его величества короля Анакреонского и имел еще множество всяких титулов.

Натянуто улыбнувшись, субпрефект с поклоном извлек свой бластер из кобуры и протянул его Хардину рукояткой вперед. В ответ Сэлвор также передал гостю бластер, который специально одолжил для этого случая. Оба таким образом продемонстрировали чувства дружбы и доброй воли, и хотя Хардин обратил внимание на явную выпуклость у плеча посланника, он благоразумно сделал вид, что не заметил этого.

В окружении целой свиты приличествующих случаю менее важных персон они уселись в наземную машину. Торжественный кортеж медленно двинулся к площади Энциклопедии. По пути народ приветствовал их с достаточным энтузиазмом.

С благодушным безразличием воина и аристократа Энсельм Родрик принимал приветствия.

– Этот город и есть весь ваш мир? – осведомился Родрик у Хардина.

Хардин повысил голос, чтобы перекрыть шум толпы:

– Наш мир молод, ваше превосходительство. За нашу короткую историю нас редко навещали представители высшей аристократии. Поэтому ваше прибытие и вызвало такой энтузиазм.

Видимо, представитель «высшей аристократии» не почувствовал иронии.

– Ваш город основан всего пятьдесят лет назад? Да у вас тут полно неосвоенных земель, мэр. Вам никогда не приходило в голову основать на них поместья?

– Не вижу в этом необходимости. Здесь у нас все централизовано – это необходимо для организации работ по изданию Энциклопедии. Возможно, когда наше население увеличится...

– Удивительный мир! У вас нет крестьянства?

«Ясно, как день, – подумал Сэлвор, – что его превосходительство довольно неумело пытается прозондировать почву».

– У нас нет ни крестьянства, ни аристократии, – небрежно бросил он.

Родрик удивленно приподнял брови:

– А ваш правитель, с которым я должен встретиться?

– Вы имеете в виду доктора Пиренна? Он – председатель Совета попечителей и личный представитель Императора.

– Доктор? У него, что, нет других титулов? Ученый? И он считается выше гражданской власти?

– Разумеется, – дружелюбно ответил Хардин. – Здесь все ученые, в большей или меньшей степени. И вообще, мы скорее не мир, а научное учреждение, которое подчиняется непосредственно Императору.

На последней фразе Сэлвор сделал небольшое ударение, и это немного смутило субпрефекта. Во всяком случае, он хранил задумчивое молчание на протяжении всего оставшегося пути до площади Энциклопедии.

Хардин испытал немалое удовлетворение, заметив, что Пиренн и Родрик, встретившие друг друга громкими изъявлениями взаимной дружбы и уважения, испытывают друг к другу полное отвращение, что весьма сократило все последующие скучнейшие церемонии.

В течение всего «ознакомительного осмотра» здания Энциклопедии его высочество Энсельм Родрик с совершенно пустыми глазами слушал лекцию Пиренна. С застывшей на лице

вежливой улыбкой он выслушал скомканные пояснения, пока они проходили по хранилищам справочных фильмов и бесчисленным смотровым залам.

После того, как они миновали бесконечные отделы комплектования, редактирования и просмотра, субпрефект, наконец, изволил высказать свое мнение по поводу увиденного:

– Все это весьма интересно, – изрек он, – но, по-моему, это весьма странное занятие для взрослых людей. Зачем все это нужно?

Ответа на это замечание у Пиренна не нашлось, но Хардин видел, что выражение его лица было более, чем красноречиво.

Ужин, который состоялся вечером, являл собой зеркальное отображение дневного осмотра, так как на этот раз инициативу поспешил захватить его высочество Родрик, и в течение всего ужина с огромным воодушевлением, не пропуская ни одной технической подробности, описывал свои подвиги на посту командира батальона во время недавней войны Анакреона с соседним Смирно, также недавно объявленным независимым королевством.

Рассказы субпрефекта продолжались до тех пор, пока ужин не закончился и присутствовавшие мелкие чиновники не исчезли. Заключительную часть триумфального рассказа о разлетавшихся в пыль космических кораблях пришлось дослушивать только Хардину и Пиренну, когда они выбрались на балкон и Энсельм благодушно расслабился, подставив лицо теплому летнему ветерку.

– А теперь, – жизнерадостно заявил он, – пора приступать к обсуждению более важных вопросов.

– Конечно, – проворчал Хардин, закуривая длинную веганскую сигару.

«Сигар маловато осталось», – подумал он, раскачиваясь в кресле так, что пола касались лишь две его ножки.

В черном небе, от края до края, раскинулась огромная эллиптическая Галактика. Несколько ближайших звезд, различных здесь, на ее задворках, казались маленькими мерцающими точками по сравнению с ее сияющим великолепием.

– Разумеется, – заметил субпрефект, – все официальные переговоры, подписание документов и остальные формальности мы вынесем на заседание... как называется ваш... Совет?

– Совет попечителей, – холодно ответил Пиренн.

– Странное название... Ладно, отложим это на завтра. Но, тем не менее, мы вполне могли бы подготовить почву для дальнейших переговоров сейчас, с глазу на глаз. Не возражаете?

– А конкретнее?... – осведомился Хардин, явно провоцируя Родрика.

– Хорошо, слушайте. Здесь, на Периферии, за последнее время произошли значительные перемены; в результате положение вашей планеты стало весьма неопределенным. Поэтому мне бы очень хотелось, чтобы мы пришли к общей точке зрения относительно создавшейся ситуации... Господин мэр, не найдется ли у вас еще сигары?

Сэлвор скрипнул зубами и неохотно передал посланнику еще одну сигару.

Его высочество Энсельм Родрик понюхал ее и удовлетворенно хмыкнул.

– Это ведь веганский табак, если не ошибаюсь? Где вы его достаете?

– Недавно получили небольшую партию, но от нее уже почти ничего не осталось. Одной Вселенной известно, когда мы сможем получить следующую – если вообще сможем.

Пиренн нахмурился. Он не курил и вообще не переносил табачного дыма.

– Насколько я понял, ваше превосходительство, вы прибыли к нам только для получения информации? – сухо осведомился он.

Родрик молча кивнул, жадно затягиваясь и пуская клубы дыма.

– В таком случае, это не займет у вас много времени. Статус Первого Фонда Энциклопедии не изменился.

– Ясно. А каким он был до сих пор?

– Фонд представляет собой государственное научное учреждение и является частью личных владений его величества Императора.

Однако на субпрефекта это заявление не произвело никакого впечатления. Он был занят пусканием колечек дыма.

– В теории это выглядит прекрасно, доктор Пиренн. Я уверен, что у вас имеются соответствующие грамоты с императорскими печатями, но как обстоит дело в действительности? Каковы ваши отношения со Смирно? Ведь вы находитесь менее чем в пятидесяти парсеках от их столицы. И как насчет Коноума и Дэрибоу?

– Мы не поддерживаем никаких отношений ни с одной из этих префектур. Как часть владений Импер...

– Это уже королевства, а не префектуры, – уточнил его высочество.

– И с королевствами тоже. Мы не имеем к ним никакого отношения. Как научное учреждение...

– Да черт бы побрал вашу науку! – грубое ругательство мгновенно наэлектризовало и без того напряженную атмосферу. – Причем здесь она?! Смирно в любой момент может захватить вашу планету!

– По-вашему, Император при этом будет сидеть сложа руки?

Немного успокоившись, его высочество продолжил:

– Послушайте, доктор Пиренн: и вы, и мы уважаем собственность Императора, но за короля Смирно в этом отношении я не могу поручиться.

Кстати, мы только что подписали договор с Императором – копию его я представлю завтра вашему Совету – и этот договор, от имени его величества, возлагает на нас ответственность за поддержание порядка на территории прежней префектуры Анакреона. Вы поняли меня?

– Разумеется. Но Терминус не входит в префектуру Анакреона.

– А Смирно...

– И в префектуру Смирно – тоже. Терминус вообще не является частью какой-либо префектуры.

– А известно ли об этом королю Смирно?

– Это меня не интересует.

– Зато нас интересует! Мы только что закончили войну с ними, но они до сих пор оккупируют две принадлежащие нам звездные системы; а Терминус занимает очень выгодное стратегическое положение между нашими двумя государствами.

Тут Сэлвор, потеряв терпение, решил вмешаться:

– Что же вы предлагаете, ваше превосходительство?

Субпрефект с готовностью прекратил словоблудие и начал высказываться более определенно:

– Очевидно, что Терминус не может защитить себя сам; поэтому Анакреон должен взять вашу планету под свою защиту ради собственной же безопасности. Разумеется, мы отнюдь не собираемся вмешиваться в ваши внутренние дела...

– У-гу, – хмуро промычал Хардин.

– ...Но и вы, и мы заинтересованы, чтобы на вашей планете была создана наша военная база.

– Это все? Одна военная база на огромной пустующей территории Терминуса?

– Конечно, возникнет вопрос содержания воинского контингента, который вас будет защищать...

Сэлвор Хардин опустил свое кресло на все четыре ножки и оперся локтями о колени.

– Вот мы и добрались до сути. Только давайте называть вещи своими именами. Вы хотите, чтобы Терминус стал вашим протекторатом и платил вам дань.

– Налоги, – поправил Энсельм с улыбкой, – плата за защиту.

С неожиданной силой Пиренн треснул рукой по подлокотнику кресла.

– Подождите, Хардин, я сам скажу! Ваше превосходительство, я не дам и ржавой полукредитной монеты за Смирно, Анакреон и прочие новоявленные королевства с их войнами и мелкими политическими интригами! Терминус является государственным научным учреждением, свободным от налогообложения!

– Государственным? Но наше государство не содержит вас, доктор Пиренн.

– Я являюсь прямым представителем... – от гнева Пиренн даже вскочил.

– ...Его августейшего величества Императора, – закончил Энсельм Родрик с издевкой в голосе. – А я являюсь непосредственным представителем короля Анакреона. И до Анакреона куда ближе, доктор Пиренн.

– Давайте вернемся к делу, – прервал ссору Хардин. – Каким образом вы собираетесь взимать с нас эти так называемые налоги, ваше превосходительство? Натурой? Зерном, картофелем, овощами, скотом?

Субпрефект с удивлением посмотрел на мэра:

– Черт возьми! Зачем нам это нужно? Этого добра у нас самих хватает. Золотом, разумеется. А еще лучше – хромом или ванадием, если у вас их много.

Хардин засмеялся:

– Много! У нас даже железа почти нет! Золото!.. Вот, полюбуйтесь на нашу валюту!

Он перебросил посланнику монету.

Родрик поймал ее и вытаращил глаза.

– Что это? Сталь?!

– Она самая.

– Я не понимаю...

– На Терминусе нет никаких металлов. Мы импортируем их. У нас нет золота, так что нам нечем вам платить, разве что вас устроят несколько тысяч бушелей картофеля.

– А промышленные товары?

– Без металлов? А из чего нам изготавливать машины?

В воздухе повисла пауза, и Пиренн поспешил предпринять еще одну попытку.

– Этот разговор просто не имеет смысла. Терминус – это научное учреждение, которое занято исключительно подготовкой Галактической Энциклопедии. Клянусь Вселенной, у меня создается впечатление, что вы вообще не понимаете, что такое наука!

– С помощью вашей Энциклопедии нельзя выиграть войну, – нахмурил брови Родрик. – Промышленность у вас не развита, но ваш мир практически и не заселен. Вы вполне могли бы платить землей.

– Как это? – не понял Пиренн.

– Мир почти пуст, а земли здесь достаточно плодородные, как я понял. Многие аристократы на Анакреоне не отказались бы расширить свои поместья.

– Как вы можете предлагать подобное...

– Не волнуйтесь так, доктор Пиренн. Земли хватит всем. Если мы договоримся и вы окажете нам содействие, то вы фактически ничего не потеряете. Будут пожалованы титулы, дарованы поместья – ну, вы понимаете...

– Благодарю! – ехидно усмехнулся Пиренн.

Неожиданно Хардин простоудушно осведомился:

– А не смог бы Анакреон поставлять нам плутоний для наших ядерных энергоустановок? Нашего запаса хватит лишь на несколько лет.

Пиренн поперхнулся от неожиданности. Несколько минут стояла мертвая тишина. Когда, наконец, его высочество Родрик заговорил снова, в его голосе появились новые нотки:

– Так у вас есть ядерная энергетика?

– Естественно. Что тут особенного? Ядерной энергией, насколько я помню, люди пользуются уже больше пятидесяти тысяч лет. Конечно, она есть и у нас. Вот только с плутонием проблемы...

– Да... да.

После паузы посланник неловко произнес:

– Хорошо, господа, завтра мы продолжим обсуждение этой темы. Прошу прощения...

Глядя ему вслед, Пиренн процедил сквозь зубы:

– Недоумок! Полный болван! Этот...

– Не скажите, – прервал его Хардин. – Это всего лишь порождение соответствующей среды. Он знает только один язык: «У меня есть бластер, а у тебя – нет!»

Но тут совершенно озверевший Пиренн набросился на него:

– Что за разговоры о военных базах и дани?! Вы что, с ума сошли?!

– Нет. Я специально подбросил ему эту кость, чтобы он разговорился. И в результате он выболтал истинные намерения Анакреона – разделить Терминус на земельные владения. Разумеется, я не собираюсь допускать этого.

– Вы не собираетесь?! Вы? Да кто вы такой?! И какого черта вы выболтали ему, что у нас есть ядерная установка? Теперь из-за этого мы превратимся в мишень!

– Да, – ухмыльнулся Хардин, – но мишень, от которой лучше держаться подальше. Вы еще не поняли, зачем я затронул эту тему? Результат только подтвердил мои догадки.

– Какие догадки?

– Что на Анакреоне больше нет ядерной энергетики. Если бы она у них была, то наш гость знал бы, что плутоний в энергоустановках уже давно не применяется. А это значит, что и на остальной Периферии ядерной энергетики больше не существует; на Смирно ее точно нет – иначе Анакреон не вышел бы победителем из большинства боев недавней войны. Любопытная информация, не правда ли?

– Да уж! – и Пиренн в ярости покинул комнату.

Сэлвор чуть улыбнулся. Он потушил сигару и стал смотреть в небо, на величественную спираль Галактики. «Выходит, они вернулись к нефти и углю...» – пробормотал он. Остальные мысли он оставил при себе.

Глава 3

Когда Хардин утверждал, что «Городская газета» принадлежит не ему, формально он не лгал. Сэлвор был вдохновителем кампании за автономию Терминуса и муниципальное правление, его избрали первым мэром города и планеты, и не было ничего удивительного в том, что, хотя ни одна акция «Газеты» не принадлежала ему, он держал под контролем более шестидесяти процентов этих самых акций – другими, более хитроумными способами.

А такие способы существовали.

Поэтому, когда Хардин начал внушать Пиренну мысль о том, что ему должно быть позволено присутствовать на заседаниях Совета попечителей, «Газета» отнюдь не случайно начала такую же кампанию. Состоялся первый в истории Фонда Основателей массовый митинг, на котором было выдвинуто и поддержано требование, чтобы город был представлен в «национальном» правительстве.

В результате Пиренн с неохотой согласился.

Восседа в главе стола, Хардин отвлеченно думал о том, почему ученые, имеющие дело с точными науками, оказываются никудышными администраторами. Возможно, потому, что они привыкли иметь дело с незыблемыми фактами, и совершенно не привыкли к гибкости людей.

Слева сидели Томаз Сатт и Джорд Фара, справа – Ландин Краст и Йейт Фулэм; Пиренн и Сэлвор председательствовали. Естественно, все присутствующие отлично знали друг друга, но по случаю заседания напускали на себя предельно важный вид.

Пока открывалось заседание, Хардин потихоньку дремал, но когда Пиренн отпил воды из стакана, что служило традиционной прелюдией, Сэлвор несколько оживился.

– С немалым удовлетворением я могу сообщить Совету, – начал Пиренн, – что после нашего предыдущего заседания я получил сообщение о том, что через две недели на Терминус прибудет канцлер Империи лорд Дорвин. Как только он информирует Императора об истинном положении дел, можно будет считать, что наши отношения с Анакреоном урегулированы в нашу пользу.

Он с улыбкой обратился через стол к Хардину:

– Я передал эту информацию в «Газету».

Про себя Сэлвор рассмеялся. Было очевидно, что мэр допущен в Совет лишь потому, что Пиренну не терпелось преподнести ему эту новость.

Он невинно осведомился:

– А если серьезно, чего вы ожидаете от лорда Дорвина?

Ответил ему Томаз Сатт – ответил в своей обычной неприятной манере обращаться к собеседнику в третьем лице – для пущей важности.

– Сразу ясно, – заметил он, – что наш мэр Хардин – профессиональный циник. Думаю, даже ему понятно, что Император не допустит посягательств на свои личные владения.

– Да? И что же он предпримет, если на них все-таки посягнут?

Послышался недовольный шум. Пиренн заявил:

– Вы нарушаете порядок. А ваши заявления граничат с изменой, – добавил он.

– Это можно считать ответом?

– Да! И если это все, что вы можете сказать...

– Не стоит делать слишком поспешных выводов. У меня есть еще вопрос. Что было сделано для предотвращения угроз со стороны Анакреона, помимо этого дипломатического хода, который может оказаться бесполезным – хотя я этого и не утверждаю.

– Вы видите угрозу со стороны Анакреона? – осведомился Йейт Фулэм, поглаживая свои свирепые рыжие усы.

– А вы ее не видите?

– Едва ли, – снисходительно ответил Фулэм, – Император...

– Великий Космос! – раздраженно воскликнул Хардин. – Что тут происходит? Периодически кто-либо произносит слово «Император» или «Империя», словно эти слова обладают магической силой. До Императора отсюда пятьсот парсеков, и я абсолютно убежден, что ему наплевать на нас.

А если это и не так, то что он может предпринять? Весь императорский флот, базирующийся в этом районе Галактики, теперь находится в руках четырех новоявленных королевств, в том числе Анакреона. Как вы не понимаете, что сражаться надо оружием, а не словами! Только благодаря тому, что мы подбросили Анакреону информацию, что у нас есть ядерное оружие, мы получили два месяца отсрочки. Но нам-то хорошо известно, что это всего лишь ложь во спасение. У нас есть только мирная атомная энергия, да и той совсем мало. Очень скоро они об этом узнают, и, я думаю, им не придется по вкусу наш обман!

– Уважаемый сэр...

– Простите, я еще не закончил, – Сэлвор завелся, и ему самому это нравилось. – Конечно, вызвать канцлера – это хорошо, но лучше бы у нас было несколько мощных осадных орудий с атомными зарядами. Господа, два месяца уже потеряны, и у нас больше не осталось времени. Что вы собираетесь предпринять?

Ландин Краст, наморщив нос от злости, ответил:

– Мы не желаем и слышать о милитаризации Фонда. Это будет означать открытое вступление в политическую борьбу. А мы, господин мэр, – научное учреждение, не более, и не менее.

– Кроме того, мэр не понимает, что производство оружия отвлечет необходимых нам людей от работы над Энциклопедией. Этого нельзя допускать ни в коем случае, – добавил Сатт.

– Совершенно верно, – согласился Пиренн. – Энциклопедия превыше всего – так было, есть и будет.

Хардин застонал от злости. Кажется, Совет в полном своем составе страдал «комплексом Энциклопедии».

Он холодно сказал:

– А членам Совета когда-нибудь приходило в голову, что у Терминуса могут быть и другие интересы, помимо Энциклопедии?

– У Фонда не может быть других интересов, кроме Энциклопедии, – так же холодно ответил Пиренн.

– Не у Фонда, а у Терминуса. Боюсь, вы не представляете себе сложившуюся ситуацию. Сейчас на Терминусе более миллиона людей, и не более ста пятидесяти тысяч из них работают непосредственно над Энциклопедией.

Для остальных Терминус – их дом. Мы родились здесь. Мы живем здесь. И для нас ваша Энциклопедия почти ничего не значит – по сравнению с нашими домами, фермами, фабриками. И мы требуем надежной защиты...

Его заглушили крики собравшихся.

– Энциклопедия – превыше всего! – проревел Краст. – Мы обязаны исполнить свою миссию!

– К черту вашу миссию! – закричал в ответ Сэлвор. – Может быть, пятьдесят лет назад в ней и был смысл, но мы – новое поколение!

– Это не имеет никакого значения, – ответил Пиренн. – Мы – ученые.

И тут Хардин увидел открывшуюся лазейку – и моментально бросился в нее:

– Неужели? Весьма приятное заблуждение. На вашем примере можно легко понять, почему в Галактике на протяжении тысячелетий творилось столько бед! Какая же это наука – веками сидя на одном месте, раскладывать по полочкам труды ученых последнего тысячелетия?! А вы никогда не пытались пойти дальше, развить их достижения, найти что-то свое?

Нет! Вместо этого вы счастливо прозябаете в своем застойном болоте! И вся Галактика находится там же Космос знает сколько времени! Вот потому-то и восстает Периферия, рвутся старые связи, локальные войны длятся столетиями, целые звездные системы утрачивают атомную энергетiku и возвращаются к варварской химической!

Спросите меня – и я скажу вам: Галактика распадается!

Он сделал паузу и опустилсЯ в кресло, переводЯ дыхание. На нескольких человек, одновременно пытавшихся ему возразить, он больше не обращал внимания.

Краст взял слово:

– Не знаю, господин мэр, чего вы добиваетесь своими истерическими выкриками, но в нашу дискуссию вы до сих пор ничего конструктивного не внесли. Господин председатель, я предлагаю не принимать во внимание высказывания предыдущего оратора и продолжить обсуждение с того момента, на котором оно было прервано.

Джорд Фара впервые оживился. До сих пор он не принимал участия в полемике, даже когда страсти накалились до предела. Но теперь, наконец, прозвучал его тяжелый бас – такой же тяжелый, как и все его тело, весом фунтов в триста.

– Господа, а вам не кажется, что мы кое о чем забыли?

– О чем? – раздраженно осведомился Пиренн.

– О том, что через месяц состоится празднование пятидесятой годовщины.

Фара, как всегда, изрек эту банальность с крайне многозначительным видом.

– Ну и что?

Фара безмятежно продолжал:

– А то, что в этот день откроется Хранилище Хари Селдона. Вы никогда не задумывались над тем, что в нем находится?

– Не знаю. Наверняка, ничего особенного. Возможно, юбилейная речь. Я не считаю, что Хранилищу стоит придавать особое значение, хотя «Газета», – он в упор посмотрел на Хардина, но тот только ухмыльнулся, – пыталась раздуть это дело. Но я пресек эти попытки.

– Вот как, – заметил Фара. – Возможно, вы были не правы. Не кажется ли вам, – он выдержал паузу, коснувшись пальцем своего маленького кругленького носа, – что Хранилище открывается весьма вовремя?

– Как раз наоборот, – проворчал Фулэм. – У нас хватает и других проблем, о которых надо беспокоиться.

– Более важных, чем послание Хари Селдона? Не думаю, что это так, – Фара, более чем когда-либо, стал похож на оракула, и Хардин с удивлением глядел на него: «На что он намекает?»

– По-моему, – с воодушевлением заявил Фара, – вы все забыли, что Селдон был величайшим психоисториком всех времен и создателем нашего Фонда. Логично было бы предположить, что он использовал свою науку, чтобы установить наиболее вероятное развитие событий в ближайшем будущем. И если это так, то он наверняка изыскал способ предупредить нас о грозящей опасности и, возможно, даже указать нам пути разрешения возникших проблем.

Ведь вам известно, что Энциклопедия – его любимое детище.

Заявление Фары всех весьма озадачило. После затянувшейся паузы Пиренн, наконец, проямлил:

– Ну, я не знаю... Психоистория – великая наука, но, насколько мне известно, среди нас сейчас нет специалистов в этой области. По-моему, мы вступаем на зыбкую почву.

Фара повернулся к Хардину.

– Вы ведь изучали психоисторию под руководством Алюрина?

Ответ Хардина был почти благоговейным:

– Да, но весь курс я не прошел. Теория мне надоела. Мне хотелось стать инженером-психоисториком, но таких возможностей здесь не было, так что я избрал занятие, почти столь же интересное – политику. Это почти одно и то же.

– И каково ваше мнение о Хранилище?

– Трудно сказать, – осторожно ответил Сэлвор.

Совещавшиеся постепенно вернулись к вопросу о прибытии Имперского канцлера, и до конца заседания Хардин больше не проронил ни слова. Он даже не прислушивался к обсуждению. Фара дал ему новую пищу для размышлений, и теперь кусочки мозаики в его голове стали понемногу становиться на свои места.

Психоистория давала ответ на все – он был уверен в этом.

Он мучительно пытался вспомнить теорию психоистории, которую изучал когда-то; Сэлвор знал, что путь к истине заключен в ней.

Такой гениальный психоисторик, как Селдон, должен был разбираться в человеческих эмоциях и реакциях настолько, чтобы с достаточной точностью предсказать исторические процессы будущего.

А это означало...

Глава 4

Лорд Дорвин понюхал табак. У него были длинные, изысканно выющиеся – хотя явно не от природы – волосы, которые хорошо дополняли пышные светлые бакенбарды, которые он то и дело любовно подкручивал. Речь его состояла из подчеркнuto точных фраз, но утруждать себя произнесением звука «р» он явно считал ниже своего достоинства.

Хардин пока еще не успел разобраться, почему он сразу невзлюбил канцлера с его аристократическими манерами. Видимо, его раздражали слишком элегантные жесты рук канцлера, которыми последний сопровождал все свои высказывания, а также тщательно отработанный снисходительный тон, которым гость ухитрялся произносить даже самые простые утвердительные междометия.

Но сейчас Сэлвору необходимо было найти его. Канцлер исчез вместе с Пиренном полчаса назад – просто испарился из поля зрения, черт бы его подрал!

Хардин был уверен, что его собственное отсутствие во время предварительных переговоров было подстроено Пиренном.

Пиренна видели только что в этом самом крыле здания и на этом этаже.

Теперь оставалось двигаться вперед, методично заглядывая по пути в каждую дверь. Преодолев таким образом половину коридора, Сэлвор наконец удовлетворенно произнес: «Ага» – и шагнул в затемненную комнату.

Замысловатая прическа Дорвина отлично вырисовывалась на фоне светлого экрана.

Подняв голову, лорд Дорвин произнес:

– А, это вы, Хагдин. По-видимому, вы ищете нас? – и он протянул мэру свою табакерку, украшенную монументальным орнаментом – как успел заметить Хардин, весьма посредственной работы. Сэлвор вежливо отказался, канцлер же взял понюшку и благосклонно улыбнулся.

Пиренн нахмурился, но Хардин это проигнорировал.

Наступившее затем непродолжительное молчание нарушил лишь щелчок табакерки лорда Дорвина. Спрятав ее, он сказал:

– Ваша Энциклопедия – это огромное достижение науки, Хагдин. Это научный подвиг, г'авный, или даже пгевосходящий все величайшие достижения всех времен. – Он кивнул Пиренну, в ответ на что доктор отвесил благодарный поклон.

«Какой-то праздник любви», – подумал Сэлвор.

– Я не жалею о пассивности Анакреона, а, скорее, наоборот, о чрезмерную активность с их стороны, направленную почему-то в разрушительную сторону.

– Ах, этот Анакреон, – канцлер пренебрежительно махнул рукой. – Я только что оттуда. Вагвагская планета. Мне даже тгудно себе пгедставить, как здесь, на Пегифегии, могут жить люди. Ведь здесь отсутствуют даже самые элементарные условия, необходимые культугному джентльмену; никакого комфогта, никаких удобств – полный упадок – и они...

Хардин бесцеремонно перебил канцлера:

– К сожалению, на Анакреоне имеются все элементарные условия для ведения войны – оружия у них достаточно.

– Ну, газумеется, газумеется, – кажется, лорд Дорвин остался недоволен тем, что его перебили на середине фразы. – Но, знаете ли, сейчас у нас не деловой газговог. Мы заняты дгугим. Доктог Пигенн, вы, кажется, собигались показать мне втогой том? Пожалуйста.

Пиренн погасил свет, и в следующие полчаса Хардин мог бы с тем же успехом находиться хоть на Анакреоне, поскольку Дорвин и Пиренн больше не обращали на него никакого внимания. Он мало что мог понять в книге на экране, да особо и не следил за пояснениями Пиренна, в то время как лорд Дорвин то и дело восторженно ахал, что выглядело вполне по-человече-

ски. От Сэлвора не ускользнуло, что когда канцлер волновался, то произносил звук «р» вполне нормально.

Когда вновь зажегся свет, лорд Дорвин подытожил:

– Восхитительно, пгосто восхитительно! Послушайте, Хагдин, вы случайно не занимаетесь агхеологией?

– Что? – Сэлвор с трудом вышел из задумчивого оцепенения. – К сожалению, нет, милорд. Поначалу я намеревался стать психоисториком, но потом занялся политикой.

– О! Тоже весьма интегесные занятия. А я, знаете ли, – он достал табакерку, – балуюсь агхеологией.

– В самом деле?

– Его превосходительство, – вмешался Пиренн, – выдающийся специалист в этой области.

– Ну, возможно, возможно, – самодовольно проговорил его превосходительство. – Я много габотал в этой области науки. Я читал Джаадуна, Обияси, Кгомвилля – пгактически всех авторитетов.

– Да, я, разумеется, слышал о них, – сказал Хардин, – но читать не приходилось.

– Почитайте обязательно, догогой мой – вы значительно обогатите свои знания. И я считаю, что съездил сюда не згя, хотя бы уже потому, что здесь я обнагужил экземплаг тгуда Ламета. Пгедставьте себе, в моей библиотеке нет ни одной его габоты! Кстати, доктог Пигенн, вы не забудете сделать для меня копию до моего отъезда?

– С превеликим удовольствием!

– Ламет, как вам, навегное, известно, – продолжал канцлер назидательно, – составил новое и чгезвычайно интегесное дополнение к «Пгоблеме пгоисхождения», котогую я изучал ганее.

– К какой проблеме? – переспросил Хардин.

– К «Пгоблеме пгоисхождения». Имеется в виду пгоблема пгоисхождения Человечества. Ведь считается, что человеческая гаса пегвоначально населяла всего одну планетагную систему.

– Да, это мне известно.

– Но никто до сих пог так и не выяснил, какую именно. – Эта тайна покгыта мгаком дгевности. Существует несколько газных теогий. Одни утвегждают, что это был Сигиус; другие настаивают на Альфе Центавга или на Солнце – они все в сектоге Сигиуса. Еще по одной вегсии это 61 Лебеда.

– А что написано у Ламета?

– Ламет газвивает совегшенно дгугую гипотезу. Он пытается доказать, что агхеологические гаскопки на тгетгьей планете системы Агктуга свидетельствуют, что люди жили там еще задолго до появления возможности межзвездных пеелетов.

– Значит, человеческая раса зародилась на этой планете?

– Возможно. Мне необходимо более внимательно изучить этот тгуд, пгегже чем высказывать собственное суждение. Надо убедиться в доствегности его доказательств.

Помолчав некоторое время, Сэлвор осведомился:

– А когда Ламет написал эту книгу?

– Ну... лет восемьсот назад. Конечно, он главным обгазом основывался на более ганних тгудах Глина.

– Так стоит ли полагаться на его трактат? Не лучше ли отправиться на Арктур и лично изучить остатки этой древней культуры?

Лорд Дорвин удивленно приподнял брови и поспешил отправить в нос щепотку табака.

– Догой мой, но зачем?

– Как – зачем? Чгобы убедиться собственными глазами.

– Это совершенно ни к чему – такой способ слишком сложен и, несомненно, погочен; так ничего не узнаешь. Ведь у меня есть тгуды всех великих агхеологов пгошлого. Сопоставляя их друг с другом и выявляя наиболее достоверные факты, можно легко установить истину. Это и есть истинно научный метод. Во всяком случае, я так его понимаю, – добавил он снисходительно. – Ведь это было бы пгосто глупо – отпгавляться к Агктуу или Солнцу и искать вслепую – в то вгемя как дгевние ученые так скгупулезно все изучили, что уже нет никакой надежды отыскать что-то новое.

– Понятно, – вежливо пробормотал Хардин.

«И это называется „научный метод“! Теперь понятно, почему Галактика разваливается ко всем чертям!»

– Пойдемте, милорд, – вмешался Пиренн, – пора возвращаться.

– Да-да, вы пгавы...

Они уже выходили из комнаты, когда Хардин вдруг спросил:

– Можно задать вам один вопрос, милорд?

Лорд Дорвин вежливо улыбнулся и сделал грациозный жест рукой:

– Конечно, дорогой мой. Если мои скгомные знания могут вам помочь...

– Но мой вопрос не относится к археологии, милорд.

– Вот как?

– Я хотел спросить вас вот о чем: в прошлом году промелькнуло сообщение о взрыве атомной электростанции на пятой планете Гаммы Андромеды. Но это была лишь краткая информация, без всяких подробностей. Не знаете ли вы, что там произошло?

– Не надоедайте его превосходительству вопросами, не имеющими отношения к нашему разговору, – снова вмешался Пиренн.

– Не стгашно, доктог Пигенн, – прервал его канцлер, – я отвечу на этот вопгос, но, к сожалению, мне мало что известно об этом случае. У них действительно взогвалась электгостанция. Это была настоящая катастрофа – кажется, погибло несколько миллионов человек, половина планеты до сих пог лежит в гуинах. В связи с этим пгавительство намегевается ввести стгогие ог'аничения на использование атомной энейгии. Но это инфогмация не для газглашения, вы меня понимаете...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.